Пролетарии всех стран,
соединяйтесь!

Р. С. Ф. С. Р.

БИБЛИОТЕКА ВСЕВОБУЧА.

№ 182.

А. Бебель.

НЕ ПОСТОЯННАЯ АРМИЯ, А МИЛИЦИЯ.

ПЕТРОГРАД.
Издание Петроградского Окружного Управл. Всеобщ. Военного Обучения.
1920.

14-я Государственная Типография. Социалистич., д. 14. Петроград.

Август
Бебель.

„Не постоянная армия, — а милиция".

Перевод Л. А. Апостоли.

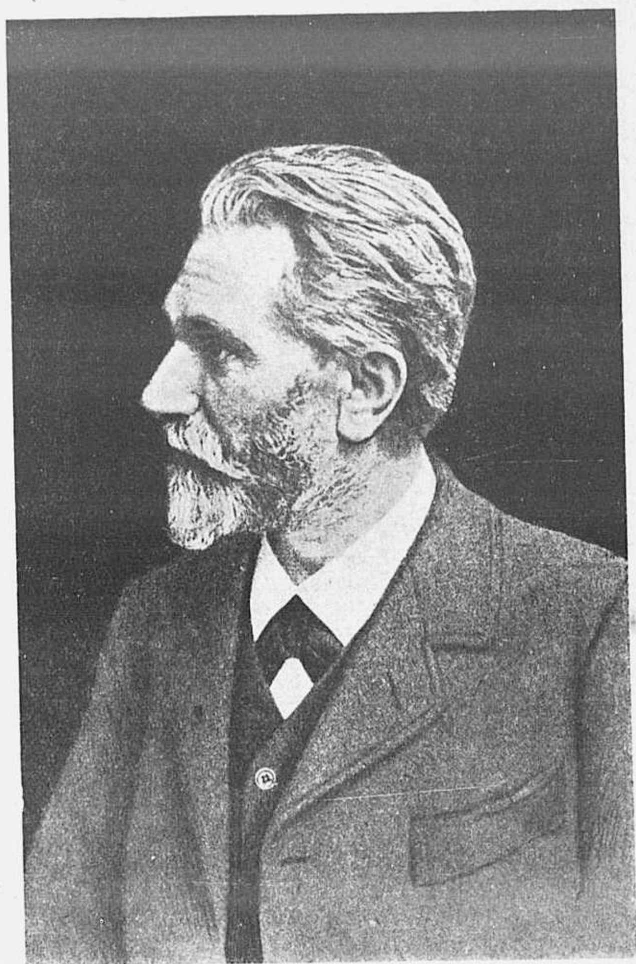
Август Бебель.

(*К портрету*).

Август Бебель—популярнейший вождь Германской социал-демократии. Он родился в Германии в г. Кельце, в 1840 г., сначала учился в сельской школе в Браувейлере, а затем в Эцларе, специализовался в токарном ремесле. Начало 60 г. прошлого столетия застало Бебеля в Лейпциге токарным подмастерьем, позднее—уже хозяином мастерской. В то время в Лейпциге образовывались просветительные рабочие союзы, и в один из них записался и токарь Бебель. С первых же дней пребывания в союзе Бебель выдвинулся как энергичный, толковый член, живо интересовавшийся делом и умевший за него постоять. Постепенно он подчинился влиянию политиков „Национального Союза" и партии „Прогрессистов" и примкнул к рабочему движению, поднятому Лассалем, а в 1865 г. был избран президентом „Союза для образования рабочих". К концу 60-х г. из Лондона в Германию вернулся Карл Либкнехт, друг Маркса и последователь его экономических и социальных идей. Либкнехт, сразу оценив в Бебеле врожденного руководителя масс, предложил ему вступить в члены „Интернационала" и совместно с ним, Либкнехтом, начать агитацию рабочих в духе Маркса. Либкнехт не переоценил способностей Бебеля: поднятая этим последним агитация была настолько успешна, что на ближайшем Конгрессе, в г. Нюренберге, 14.000 рабочих примкнули к Социал-Демократической Рабочей Партии, избрав Бебеля и Либкнехта своими руководителями. С открытием первого северо-германского парламента в 1867 г. Бебель был избран депутатом социал-демократической партии и с тех пор неизменно делегировался партией в рейхстаг. Доверие рабочих Бебель оправдал вполне, всегда горячо отстаивал интересы партии. Однако, защита интересов трудящихся масс не всегда легко доставалась. Его трижды арестовывали, и в общей сложности он пробыл в тюрьмах около $3^1/_2$ лет, частью деля заключение с товарищем по деятельности, Либкнехтом. Дитя народа, отлично понимая его нужды, Бебель внес в общественную жизнь редкую непосредственность, кристальную чистоту души и непоколебимую стойкость убеждений. Жизненная борьба нисколько не ослабила их, и он сохранил эти высокие душевные качества до дня своей смерти (он умер в 1913 г.).

Наиболее популярным из его сочинений являются: „Женщина в прошлом, настоящем и будущем", выдержавшая до 50-ти изданий, „Немецкая крестьянская война", „Социал-Демократия в Германском Рейхстаге", „Наши цели", „Христианство и Социализм", „Не регулярная армия, а милиция" и „Моя жизнь—автобиография.

Л. Апостоли.

АВГУСТ БЕБЕЛЬ.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Труд Бебеля—это первое выявление требований германской социал-демократии относительно реорганизации армии, установления всеобщего военного обучения, всенародной милиции и превращения постоянной армии в вооруженный народ.

Это общее требование международного рабочего движения и всех его социалистических партий — революционное для своего времени, для такой страны, какой была Германия в 90 годах, когда социалистическому движению волей-неволей приходилось влезать в рамки буржуазного парламентаризма.

Долголетняя, обостряющаяся год от году борьба классов, опыт рабочего движения и минувшей войны опрокинули надежды на мирные завоевания трудящихся, запроданные ценой непролазного гражданского мира.

Демократические потуги в области организации вооруженных сил нигде и ни к чему не привели.

Все требования реорганизации армий в сторону демократизации отбрасывались буржуазией.

Армия—это опора государственной власти.

Капитал, захвативший государственную власть в лице буржуазии, не хотел, не мог хотеть затронуть и поколебать свое господство. Вооружить народ—значило обратить штыки армии против власти буржуазии, значило для буржуазии подрубить сук, на котором она сидела.

Та самая буржуазия, которая из-за правовых преимуществ вела борьбу с монархией и аристократией и была решительной противницей постоянной армии, которая создавала гражданскую оборону, национальную гвардию, в противовес постоянной армии, с образованием больших национальных государств, отличающихся экономическим стремлением к внешнему рынку и закреплением у власти буржуазии, в своих интересах, интересах кармана и нарождавшегося империализма, ухватилась за постоянную армию, приняв то, против чего долгое время вела борьбу.

Армия—это сила.

Не желая лишить себя силы, власти, капитал не мог позволить колебать свою основу.

Борьба за всенародную милицию, за вооруженный народ оказалась еще менее удачливой, чем требования буржуазного парламентаризма и охраны труда с их восьмичасовым рабочим днем и четырехвосткой.

„Введение“ Бебеля, начинающееся с боязливого вопроса, „до чего же это дойдет и чем кончится?“ останавливается на усилении вооружений, невероятных средствах, поглощаемых военными кредитами, когда науки, искусства, народное хозяйство стоят, на их нужды нет средств, поглощаемых военными расходами.

Усиление вооружений, наблюдаемое всюду во имя классовых интересов кучек капиталистов и направленное против трудящихся, ложится всею тяжестью на плечи самих трудящихся.

Основными причинами горячки в организации вооруженных сил являются: стремление буржуазии к образованию крупных государств по национальностям, превышение требований внутреннего рынка массовым производством и тяготение, впоследствии определившееся под именем империализма, к внешним рынкам. Последней причиной по Бебелю — является усиливающееся международное рабочее движение в лице социалистических партий восстающего

против государственных и общественных организаций капитала, направленных к угнетению трудящихся...

Человеческий ум и изобретательность, согнутые в бараний рог капиталом, используются „культурными“ государствами для целей, издевающихся над успехами культуры, а все экономические силы страны отнимаются от „дела мира и цивилизации в пользу новых вооружений“.

Не следует и говорить об этой прославленной „цивилизации“, еще в 70 году не знавшей что делать с горами трупов парижских коммунаров...

Переходя во второй главе к организации германской армии и ее развитию, Бебель приводит положения о военной организации Германии, отличая три этапа: 1814, 1861 и 1866 года.

Несмотря на ряд демократических потуг в борьбе за сокращение армии, на целый ряд законов о сокращении, принятых рейхстагом, дело кончилось тем, что в 1887 г. была восстановлена и продолжена раньше упраздненная при основании Северо-Германского Союза организация вооруженных сил Германии.

Обещания буржуазии, клятвы власти в том, что после победы наступает долгий мир, немецкая действительность после 1870 года отлично выявляет противоречия капиталистического строя, безнадежность и тупик, в который рано или поздно зашибается капиталом все человечество.

До и во время Франко-Прусской войны в Германии господствовало убеждение, что как только исконный враг немцев, Франция, будет побежден—наступит тишь да гладь, да Божья благодать...

Станут возможны огромные сокращения в организации вооруженных сил.

Но уже в 1871 году был проведен закон об ополчении, в 1874 году последовало новое усиление армии, и немецкая так же как и всякая другая клика капиталистов, продолжает начатое, разоряя страну в надежде, что время не ушло, и „после нас—хоть п топ.“

Следующие главы: „расходы по вооружению“ и „упразднение постоянной армии“, с достаточной наглядностью об'ясняют и дают представление о тех невероятных средствах какие приходится затрачивать государству для содержания постоянной армии.

Расходы по вооружению, приводимые Бебелем, все же далеко не исчерпывают истинной стоимости содержания постоянной армии для государства и населения, но приводимые цифры, слагающиеся из: 1) расходов на армию, 2) на флот, 3) по пенсионному фонду мирного времени и 4) по процентам государственного долга, говорят многое.

Военные расходы всех государств, в сравнении с затратами на прочие нужды, неизмеримо велики и исчисляются сотнями миллионов и миллиардов.

Но что еще любопытнее—это то, что даже те государства, которые об'явлены всеми нейтральными и неприкосновенными (Бельгия, Швейцария) и те тянутся за „великими“ в своем стремлении не отстать в горячке вооружения.

Естественным выходом из создавшегося положения Бебель мыслит—упразднение постоянной армии и создание милиции „вооруженного народа, единственной целью которого будет защита земли от вражеского нападения“.

Основные главы: „народная милиция“ и следующая за ней „стоимость милиции и постоянного войска“ являются предложениями военно-организационного порядка. Создание милиции в той или иной форме, с тем или иным классовым уклоном, рассматривается со специальной военной и экономической точек зрения.

Программа милиции, помимо политического значения, имеет точный военный смысл, определяющий направление внешней военной политики, колоссальную экономию в народных средствах с одной стороны и усиление действительной мощи армии с другой.

Эта мысль—мысль, примириться с которой не могли немецкие тупоголовые военспецы, эти „самые ярые противники

народного вооружения, считающие милиционную систему профанацией военного дела*, которые все же приняли впоследствии, под давлением действительности, некоторые основы милиционного устройства, мысль,-примириться с которой не могут и наши отечественные военспецы, несмотря на принятую советской властью линию, определяющую переход от Красной Армии к красной милиции, от армии настоящего к армии будущего.

Существенным недостатком труда Бебеля является отсутствие определения того, что называется милицией. Читателю, не подготовленному, или желающему получить ответ на это, ответа не получить.

Эта расплывчатость и неопределенность вполне определившегося понятия может ввести в заблуждение не только читателя, но и самого автора.

Указывая в следующей главе на ряд исторических примеров, Бебель называет милицией то, что является не милицией, а примерами импровизированных армий.

Между тем милиция—не импровизация.

Милиционная система—это самый революционный, высший, боевой и экономный способ организации вооруженных сил.

Милиция — это тип армии, наиболее гибкий и приспособленный к экономическим и социальным условиям страны.

Это—такая организация вооруженных сил, при которой, при классовой постановке, при наименьшей затрате сил, достигается полное приспособление армии к нуждам государства.

Милиция—это тип армии, основанный на принципах территориальности, внеказарменности, краткосрочности и интенсивности, при котором содержание вооруженной силы стоит народу и государству значительно меньших затрат деньгами, довольствием, лошадьми и людьми, чем постоянная армия.

Милиция — это организация обороны, значительно более быстрая на под'ем, чем постоянная армия, она в несколько раз быстрее способна ощетиниться штыками.

Это тип войск, отрывающий человека от станка или сохи на самое короткое время, благодаря основным принципам ее организации.

Наконец, милиция — это способ наилучшей пропаганды, пропитывания и воспитания народных масс в соответствующем направлении.

Преимущества милиции перед постоянной армией Бебель видит в следующем:

1) колоссальная экономия 30 — 40% в военном бюджете,

2) установление всеобщего военного обучения,

3) усиление резервов частей с действительно военной подготовкой,

4) физическое оздоровление населения,

5) уменьшение убытков и неудобств в связи с краткосрочностью военной службы,

6) улучшение материального положения военно-служащих, а отсюда и экономия в домашней поддержке, оказываемой солдату постоянной армии,

7) последовательное сокращение пенсионного фонда,

8) прекращение дезертирства, случаев самоубийств в армии,

9) поднятие боевых качеств солдата и всей армии,

10) исключение пропаганды наступательных войн,

11) обеспечение в буржуазных государствах известной демократизации.

Мы не будем приводить своих соображений о преимуществах милиционной системы перед постоянной, а их очень и очень много, как прямых, так и косвенных, но следует отметить, что все ее преимущества в нашей русской советской действительности приобретают особую остроту и ясность, настолько очевидную, что военная политика Советской власти уже теперь направлена именно к созданию милиции.

Россия ждет передышки и при первой же возможности перестроит ряды армии, создаст советско-милиционную организацию вооруженных сил.

Советская власть и ее военная политика не порывала с программой милиции, и если заключение Бебеля приводит к необходимости борьбы трудящихся за всенародную милицию, то Советская власть, применяя к созданию государственного организма старые демократические истины, и прежде всего вопрос о милиционном строительстве армии, ставит их на советские классовые основы.

Экономически-классовые основы, определяющие государственный строй Российской Социалистической Республики, неизмеримо отличаются от того, что является основой действительно социалистического общества.

Но период гражданской войны пройдет. За ней наступит постепенное растворение буржуазных элементов, процесс деклассации общества, начало которого уже наблюдается в Советской России.

Вот почему Советская армия переходного времени, независимо от того, будет ли она постоянная или милиционная, отнюдь не означает сколько-нибудь совершенной формы военной организации.

Но теперь Советской России нужна классовая, по возможности, армия, а так как милиция не является обязательно бесклассовой организацией и может быть построена, а на западе и строится, по классовым линиям, то Советской России необходимо классовая, по возможности, милиционная армия.

По мере деклассации общества эта армия естественно потеряет классовый характер, становясь могучим орудием гармоничного социалистического общества, исключающего всей своей системой борьбу классов.

В социалистическом обществе, при необходимости вести борьбу с доживающим капиталом до полной победы социализма, единственной и идеальной формой военной органи-

зации явится всеобщая социалистическая милиция, т.-е. самый свободный, высший и экономный тип армии. Проводить ныне создание всеобщей милиции значило бы рыть самим себе яму, и если этот рецепт более чем когда-либо необходим для буржуазной Европы, то в нашей Советской действительности программа всенародного вооружения явилась бы в лучшем случае отрыжкой формального демократизма, в худшем—работой на победу контр-революции.

От Советской Республики России до Мировой Советской Республики, от времени диктатуры пролетариата до установления социализма во всем мире—много времени.

Но когда новый мир победит старый—тогда естественно никакой организации вооруженных сил не понадобится.

Некому и не с кем будет воевать.

Люди станут человеками.

Л. Малиновский.

I.

ВВЕДЕНИЕ.

За последние десятилетия вооружения всех великих держав Европы, на суше, и на море, достигли столь небывалых размеров, что невольно с уст людей всех лагерей и всех партий не сходит боязливый вопрос: до чего же это дойдет и чем кончится? И ни одно учреждение в этих государствах, будь то, так наз., культурное государство или полуварварская страна, не пользуется такою заботливостью, даже более, прямо любовью, как военное ведомство, сухопутное или морское. По части изобретений, открытий, ни на каком другом поприще наука и техника не развиваются столь интенсивно, как в области механизмов по истреблению человечества, как на суше, так и на воде, в целях-ли нападения или обороны. И со стороны правительства и народного представительства ни на какие государственные нужды не предоставляются средства, даже самые громадные, столь охотно, как для целей военных. Все остальные государственные нужды идут во вторую и третью очередь. Зачастую самые необходимые ассигновки совершенно отсутствуют, даже для важнейших культурных целей, как напр., народное образование, создание или улучшение средств сообщения,—если они не служат военным целям,—мелиоративные почвенные работы, поднятие наук и искусств, здравоохранение, защита рабочих, защита прав,—потому что все средства поглощает вооружение. Получается впечатление, точно важнейшей целью современного государственного строя является достижение высшего совершенства только в области вооружения армии и флота и, точно, по сравнению с ним, все остальное пустяки.

Новое или усовершенствованное орудие смерти, новый тип военного судна или средства разрушения, новый порох или пушка, новое взрывчатое вещество,—все это, будучи представлено изобретателем, пользуется, как со стороны государственных руководителей, так и военных, положительно трогательным вниманием, все это испытывается с такой заботливостью, точно дело идет о величайшем благодеянии роду человеческому.

Ни на каком другом поприще общественной деятельности слово и дело не стоит в столь резком противоречии, как в военной специальности. Религия, обычаи, нравственность, гуманность считаются основами

общественного и государственного жизненного строя. И в полном с этим противоречии постоянно прибегают к грубости и человеконенавистическим инстинктам; их даже всеми силами поддерживают, чтобы в нужный момент использовать для соответствующих подвигов.

Старой истиной, подтвержденной всем ходом истории является то, что всякое общественное зло сначала должно достигнуть наивысшей точки напряжения, прежде чем идти на убыль и затем погибнуть. Уже пол-века, как жалобы на все увеличивающийся, всепоглощающий милитаризм становятся все громче и громче, не вызывая, однако, ни малейшей перемены. Напротив. Развитие всех передовых государств за этот период времени указывает нам на все усиливающееся использование общественных средств для нужд армии и флота, использование в процентном отношении совершенно несоответственно возраставшее по сравнению с приростом населения и ресурсами тех его слоев, которые в нравственном или материальном отношениях должны нести главнейшие тяготы. Потому что характерным для всех государств является то, что финансовое обременение производится такими способами, выливается в такие фромы, что падает т я г ч а й ш и м о б р а з о м на б е д н е й ш е е, б о р ю щ е е с я з а с у щ е с т в о в а н и е н а с е л е н и е, н а р а б о ч и й к л а с с, мелкую буржуазию и мелкое крестьянство. Тяготы эти налагаются на эти слои, главным образом, путем косвенных налогов, тогда как направляющие центры, управляющие всей системой, предоставляются элементу господствующего класса. Таким образом, армии получают классовый характер, соответствующий классовому характеру всего общества и государства.

Главной принудительной причиной образования все больших армий и усиления флотов прежде всего является стремление к образованию крупных государств по народностям. Буржуазия, увеличивая раздробление предметов производства, собственности и населения, стягивая его в города и промышленные округи, централизуя сырье и концентрируя собственность, вместе с тем получает потребность в централизации государственного управления, создании крупного внутреннего рынка для сбыта предметов своего производства. Как справедливо гласит манифест коммунистов, жизненною задачей ее является: «Единая нация, единое правительство, единый закон, единый классовой интерес, единая таможенная граница».

Вместе с тем массовое производство ее промышленности значительно превышает требование внутреннего рынка, и тем самым буржуазия каждой отдельной страны является вынужденной завоевывать возможно больший сбыт на мировом рынке. Таким образом, возникает соревнование между государствами, а это порождает поводы для создания все больших армий и флотов. Ревниво следят государства друг за другом, дабы ни одно из них не опередило другое и едва какое-нибудь из них сделает хотя бы самый малый скачек вперед в деле развития своих военных сил, как уже все остальные стараются нетолько ему подражать, но и всячески стремятся его превзойти. Таким путем возникает

соревнование во всеобщем вооружении, какого человечество еще не видывало.

Политическое господство капиталистического класса,—(причем финансовые и торговые силы страны; ее торговая и земледельческая буржуазия постоянно между собою враждуют, оспаривая долю участия в доходах государства), является существенным дополнением к его социальному и промышленному влиянию над классом рабочих, мелких производителей и земледельцев, находящихся (на погибель себе), в полной от него зависимости. Само собой понятно, что господствующий класс слагает на порабощенные им классы и тяжесть всех повинностей, в том числе и военную службу. Эта черта как бы заложена в самое существо данного класса, к тому же, сам по себе, он слишком слаб, чтобы нести жертвы, вызываемые его господством.

Он мог бы, например, платить налоги, но он этого не желает, а для натуральных повинностей он слишком малочислен и довольствуется тем, что занимая руководящие посты начальников, превращает войско в орудие своего господства.

Этот классовый характер существующей военной организации невольно бросается в глаза, и самое признание его помогает разобраться во всем том, что только этим и может быть об'яснено. Напр., уклонение гражданских слоев населения от решительной, серьезной критики существующего военного строя. Негодование при обнародовании случаев дурного обращения с командой, косность в отношении введения порядка, устраняющего подобные печальные примеры. Далее этим же об'ясняется всегдашняя готовность народного представительства голосовать за усиление сухопутного и морского вооружения, хотя и приходится сталкиваться с оппозицией со стороны угнетенных и руководимых масс и делать вид, что решаются на это с тяжелым сердцем, по необходимости, а не по собственной инициативе.

Третьей причиной, склоняющей класс капиталистов—предпринимателей к все большему усилению военного вооружения, увлекающей его в сторону противоестественнейших организаций, если они кажутся полезными для поддержания, так наз., военной дисциплины, является все разрастающееся социалистическое движение, которое понятно восстает против государственных и общетвенных оргнизаций, угнетающих трудящихся.

По внутреннему своему содержанию наш господствующий класс гораздо более интернационален, чем национален; точно также, как он вовсе не религиозен, хоть и старается казаться таковым. Над ним тяготеет проклятие казаться не тем, что он есть, двойственность его порождает лживость и двоедушие. В юные годы, пока натура еще не сложилась, он воодушевляется идеей общей свободы, равенства и братства, братания народов. Достигнув власти, все свои идеалы он пускает в трубу или обращает их в ничто, путем угодных ему законодательств, в которых к тому же он всегда имеет решающее слово. Интернационален он и поныне, но в том только смысле, что когда это ему нужно,—он,

пользуясь вооруженными силами отечества, заставляет иностранцев покупать у него его товары по высокой цене и по дешевке уступать ему предметы их производства. И еще с другой стороны класс капиталистов и предпринимателей интернационален и тем самым работает в руку рабочему интернационалу. Вопреки заверениям тех же капиталистов деньги не знают отечества. Капитал—международная сила, приобретаемая во всех странах мира по одним и тем же законам, путем использования рабочей силы человека предпринимателем, выплачивающим рабочему лишь часть им вырабатываемого. Поэтому-то капиталист и стремится всегда лишь туда, где его ожидают наибольшие барыши. В силу этого любая страна, любой народ ему одинаково милы. Если родина сулит ему пять процентов барыша, а страна ей враждебная, при том же обеспечении, гарантирует восемь или десять процентов—вне сомнения, он выберет последнюю. Зарабатывают ли ему его доходы его сородичи или враги отечества, дикари ли, краснокожие,—это ни мало не смущает его национальное самолюбие. Он одинаково охотно использовывает рабочих-чужеземцев (будь то поляк, русский, итальянец и пр.) у себя на родине, если высота заработка того стоит, и с такою же готовностью—при наличности одинаковой выгоды—заключает сделки с капиталистами других стран для совместных с ними предприятий. В конце концов потребности отечественного рынка вызывают обмен предметов собственного производства на чужеземные. Обмен этот принимает все большие размеры в зависимости от роста производительности страны, побуждающего вывозить свои товары на чужие рынки и приобретать товары иноземные для удовлетворения своего спроса и расширения производительности.

Рука об руку с обменом материальным идет и обмен духовной производительности. Все увеличивающиеся сношения между разными странами требуют знания иностранных языков, нравов и обычаев, облегчая взаимное понимание, напр., чтобы предназначенные к вывозу товары удовлетворяли потребности населения страны, его получающей. Развитие и успех наук на международной платформе идет рука об руку, часто даже значительно опережая развитие производительности материальной. Иследование неизвестных стран, частей света, языка, нравов и обычаев их населения весьма плодртворны в области природоведения, естествознания и истории культуры. Они вызывают международный обмен мнениями сначала в тесной среде ученых, а затем и среди целых народов. То же самое достигается все развивающимися и улучшающимися средствами сообщения. Успехи техники, механики делают их предметом международного изучения, предметом взаимного соревнования. Страхование судов, экспедиций от несчастных случаев всех видов вызывает международные соглашения для взаимной поддержки и помощи. Обеспеченность путей сообщения между странами также обусловливает определенные договоры. Таким образом, возникают международные соглашения самых разнообразных видов, почтово-пароходные, торговые, таможенные; на разные сроки, между отдельными

государствами или, как напр., всемирно-почтовый союз,—на международной почве для всего мира в целом. По мере роста и развития торговых и иных сношений между различными странами вселенной их взаимные интересы становятся все сложнее и запутаннее. Они затрагивают жизненные интересы целых наций. Возникают международные столкновения, угрожающие войною между культурными нациями, переживаемые ими как тягчайшие, часто роковые, испытания. Ни для кого не секрет, напр., что будущая война или даже только повод к ней между двумя великими державами Европы с почти математической точностью приведет их к полной социальной и хозяйственной катастрофе с самыми пагубными для них последствиями, с точки зрения современного государственного и общественного порядка. Те, которые по свойственному пессимизму, рекомендуют войну,—как это делает, напр., в одной газетной статье тайный советник в отставке Миттельштедт доказывают свою невероятную политическую близорукость, или потерю всякой веры в возможность исправить существующую во всех сферах нашего самоуправления разруху иначе, как средствами à la доктор Эйзенбарт. Общество, господствующий класс которого дошел бы до подобного нигилистического взгляда, несомненно предает само себя и окажется неспособным обратить это сильное средство себе во спасение. В тот день, когда господствующий класс какого-нибудь современного государства решится на подобный ведущий к самоумерщвлению поступок он должен будет, по крайней мере, обладать достаточным благоразумием, чтобы предоставить руководительство общественной жизнью тем слоям, которые владеют решимостью пуститься по новым путям спасения. Сделать это они должны не ради господства какого-нибудь одного класса, а во имя полного благоденствия всего того, что носит облик человека, чтобы открыть всему человечеству новые, свободные пути для высшего развития.

В прошлом господствующие классы едва ли сознавали, что именно необходимо. Покорно повинуясь мысли «что наказуя, боги поражают слепотой» они отдавались течению и делали все то, чего всего более должны были бы избегать. Поймет ли и воспользуется ли современный господствующий класс уроками, преподанными ему историей, — покажет будущее.

Пока господствующий класс всех крупных европейских культурных государств, вопреки собственным интересам, побуждавшим его к международным сношениям по всему земному шару, только способствовал национальной замкнутости, всячески содействуя лишь узко-национальным итересам. Далее созданием сильнейших дотоле невиданных армий, в совершенстве оборудованных для массового истребления человечества, он сумел привить мысль, что самовосхваление нации является признаком культуры.

Подобное противоречие увеличивается еще тем, что подготовленные для войны массы постоянного войска столь многочисленны и располагают такими прекрасными орудиями для массового истребления неприятеля, что тем самым достигается такая степень совершенства, которая

по мнению знатоков делает ведение войны почти невозможным. Найдутся ли генералы, способные командовать теми чудовищными массами, которые окажутся на поле сражения в будущую войну между великими державами Европы. Будет ли их чем прокормить, а (в случае столкновения) после боя принять многочисленных раненных? Однако, не взирая на это, одно увеличение влечет за собою другое, одно орудие истребления уступает место другому, более совершенному. Более новые типы военных судов вырабатываются раньше, чем строящіеся успеют быть спущены. Едва спущенные, они уже являются устарелыми. Самая постройка этих судов-великанов прерывается, чтобы применить какое-нибудь только что ставшее известным усовершенствование или собственное новое изобретение. Пробивающая сила снарядов, толща и крепость судовой брони находятся в постоянном соревновании. Сегодня броня, завтра орудие является поводом к нему. Относится это и к вооружению армии и к способам укрепления. Едва весной 1897 года германский рейхстаг утвердил первую часть сметы, около 45 миллионов марок, на постройку нового орудия, общая стоимость которого доходила до 170 миллионов, как уже стало известно, что во французской армии вводится орудие, сила которого превысит германское.

Подобное же наблюдается и в других областях. Новое магазинное ружье, недавно всюду введенное, для серьезного дела никому однако кроме нескольких беглых пленных, да веселых юношей, подстреливших часовых не служившее,—еще не было применено, как уже превзойдено новым изобретением и в недалеком будущем должно быть заменено еще более совершенным. Это потребует не только десятков миллионов денег, но и массы времени, затраты энергии для обучения пользованию им, как постоянного войска, так и запаса, и ополчения. О действии производимом уже существующим ружьем мы находим сведения в докладе старшего врача прусского генерального штаба профессора д-ра фон-Колера, сделанном им в 1894 году на медицинском конгрессе в Риме о ранениях, причиненных пулями ружья мелкого калибра. Отчет, сколько нам известно, оставшийся неопровергнутым, гласит: «С различных расстояний, от 200 до 2500 метров было выпущено более 1000 пуль по 480 человеческим трупам, 13 живым и 16 мертвым лошадям. Кроме того врачи Колер и Швернин наблюдали действие нового ружья еще на 22 человеках, из которых 14 были самоубийцы или пытались застрелиться и 8 жертв несчастных случаев или преступлений. Протоколы вполне подтверждают все то, что до сих пор в общем говорилось о действии этого «гуманного» ружья. Произведенные на разных расстояниях этим новым ружьем ранения несравненно тяжелее по сравнению с прежде применявшимися пулями. На небольших расстояниях, до 600 метров, обрывки клочков одежды, которые пуля отрывает при полете, не втягиваются в рану. Ткани, соприкасаясь с пулей, сохраняющей всю свою живую силу, так сказать, раздираются, превращаются в атомы. Между тем действие на тело ужасающе: пуля действует, как взрывчатое вещество. Не надо забывать, что тело человека представляет собою

как бы своего рода закрытый сосуд, наполненный жидкостью. Когда пуля попадает в тело, она производит гидравлическое давление, вызывающее тягчайшие ранения. Кажется, точно рана произведена взрывом. Это обусловливается гигроскопичностью ткани, быстротой удара пули и ее диаметром. Кости не пробиваются, как в какой-нибудь пустотелой оболочке, как это неверно утверждали, они разрушаются, как бы динамитным зарядом и раздробляются на мелкие части, рассеивающиеся по всему телу. Печень, сердце, почки наполняются ими, кишечник разрывается на тысячи кусков, мускулы раздираются. Входное отверстие пули очень мало, едва заметно, тогда как выходное, напротив, весьма значительно; оно образует воронку в 12-18 сантиметров диаметром. Понятно, что пуля, проходя через тело, постепенно как бы пробуравливает его; она проникает даже через три тела и застревает внутри четвертого. Пуля, встречающая какую-нибудь выступающую часть, кость, несомненно, разрушает и весь член (ногу, руку); попав в голову, шею, брюшину, она убивает наповал. Пройдя через грудную клетку, она вызывает смерть даже тогда, когда сердце и сосуды не затронуты и лишь прострелены легкие. На расстоянии свыше 600 метров, пули менее смертельны. Попадая в брюшину, они все же причиняют большие опустошения. 49 пуль, попавших в тело на расстоянии от 700 до 1600 метров, вызвали 160 внутренних разрыва пузыря и желудка. Средним числом открытых отверстий от каждой пули, было по три, максимально — восемь. На большем расстоянии 12 процентов пуль вводят в рану клочки ткани, что всегда является тяжелым осложнением, в силу того, что ткани неминуемо покрыты слоем вредных микроорганизмов. Начиная с 1000 метров кости пробиваются чисто, но получают трещины, лучеобразно расположенные вокруг входного отверстия. Даже на расстоянии 1600 метров, в 40 процентах всех случаев, происходят большие переломы с осколками, иногда остающимися на месте, а порою прогоняемыми в теле и действующими иногда на подобие бритвы, так что уже при быстроте движения в 300 метров в секунду покровы тела обращаются в клочки. Температура пули в момент попадания в тело поднимается до 70 градусов. Если же посылать выстрел за выстрелом, то она может подняться до 350 градусов. Старший врач фон-Колер об'ясняет это свойство стальных пуль известной температурой плавления. Ему удалось также установить, что при отдаче 100 выстрелов в 2½ минуты свинцовая часть последних пуль расплавлялась, что предполагает минимальную температуру в 334 градуса. Охваченная стальным покровом пуля почти всегда деформируется и разлетается на мелкие, острые куски, раздирая в клочки встречающиеся ткани. В общем, произведенные опыты доказывают, что старая, круглая пуля и даже продолговатая образца 1870 года, так сказать, благодушны, в сравнении с невообразимой жестокостью никкелево-стальной пули малого диаметра и узкой формы.

Но и новейшее, рано или поздно имеющее быть введенным пятимиллиметровое ружье производит, несмотря на малый размер его пули, не меньшие, а скорее еще худшие разрушения в человеческом теле, чем восьмимиллиметровая пуля, причем надо принять во внимание, что ее сопротивление разрыву и меткость значительно выше ныне принятого ружья. На это указывает описание, недавно обошедшее печать. В нем говорилось: «Произведенные у нас практические опыты установили, что пуля пятимиллиметрового калибра вызывает еще более ужасные последствия, чем нынешнее ружье. А именно: пятимиллиметровое ружье уже с расстояния, в четыре тысячи метров, то-есть, с расстояния, которое австрийское ружье никогда не покрывало, — попадает в цель с утроенной силой и производит втрое сильнейшее действие. Твердая, но раскаленная стальная оболочка пули пятимиллиметрового калибра уже на 4000 метров положительно размалывает в муку попадающуюся ей часть кости, а попадая в мясистые части вызывает изломы и трещины в соседних костях. Словом, пули самых малых калибров смертельны даже на таких расстояниях, какие были недоступны прежним свинцовым пулям».

Чтобы ясно представить себе все значение введения подобного оружия обратимся к вычислению одного знатока дела, Блоха, опубликованного в специальном труде журналом «Bibliоteka Worsancska», в котором говорится, что действие огня современного ружья, по сравнению с ружьем, употреблявшимся в войну 1870—71 года, приблизительно вдвое сильнее, что вследствие большей попадаемости и более быстрой стрельбы получится в двенадцать раз больше попаданий и что в три или четыре раза будет больше челоеческих жертв.

К этим данным стоит прибавить описание войны будущего, опубликованное «Pester Lloyd'ом летом 1892 г. В нем, между прочим, приводились следующие данные: «В прежние войны бой начинался уже с двухсот—трехсот метров, в будущую войну артиллерия откроет огонь с четырех тысяч метров, а пехота начнет действовать с двух тысяч метров. Настильность траектории и огромная сила и меткость новых пуль вынуждают пехоту применять рассыпной строй». Далее дословно говорится:

«По мере того, как командный состав выбывает из строя, опасность все растет. Редкой цепью залегла пехота против расположения неприятеля. Нигде ни одной сомкнутой части, вид которой мог бы ободрить падающий дух людей. Из-за огня неприятеля резервы настолько отодвинуты, что сражающемуся они совершенно не видны. Его охватывает непреодолимое чувство покинутости, он считает себя погибшим. К вою и шипенью орудийных снарядов примешивается непрерывное, глухое рокотание пехотной стрельбы, сопровождаемое стонами раненых, временами покрываемое душураздирающими криками изувеченных . . . Куда ни взглянешь,—кровь, ничего кроме крови . . . Слова

команды, которым солдат до той минуты привык слепо, механически повиноваться, давно смолкли,—вожди и начальники пали».

Подобное же находим в осеннем номере «Военного Еженедельника» за 1897 г., в статье, посвященной изучению способов борьбы ныне введенными в европейских армиях новыми ружьями. Автор доказывает, что результаты стрельбы по приподнятой цели ближе восьмисот метров, при существующих условиях, почти исключают возможность приближения аттакующей части. Но так как пехота для достижения превосходства в огне и сохранения своей боевой силы вынуждена будет подойти к неприятелю на более близкие расстояния и часто при самых неблагоприятных условиях местности, то невольно напрашивается вопрос, что же делать аттакующему, чтобы не попасть в столь рискованное положение? При подобном доказательтельстве наличности оборонительных сил ожидать многого от беззаветной храбрости не приходится; она неминуемо разобьется о реальную силу пули мелкого калибра».

Далее указывается, что главной слабостью нападающего является то, что он в противоположность малой цели, какую представляет обороняющийся, сам представляет цель значительных размеров и должен это учитывать. Условие это существовало и раньше, но, в виду слабой попадаемости и менее быстрой стрельбы в прежние времена, далеко не имело того значения, как ныне. Никакой урон неприятеля, даже при самой совершенной стрельбе, не в состоянии будет возместить нам те огромные потери, какие неминуемо понесут наши живые перебегающие человеческие цели. Превращение людей в живые цели, при таком всепожирающем огне, станет даже для наших храбрецов, германских солдат, вещью непреодолимой. Многочисленные опыты показывают, что зона, в которой человеческая цель подвергается уничтожению, начинается приблизительно с 800 метров от места расположения неприятеля. Но в виду того, что последняя, так сказать, решающая стрельба будет производиться на расстоянии 300—400 метров от противника, то дело касается лишь пространства в 400—500 метров, на котором необходимо избегать обнаруживания приподнятой цели.

Далее речь идет о том, что, принимая во внимание незначительность этого пространства, не следует ли попытаться уменьшить эту цель, производя передвижения ползком.

Следствием новейшего военного метода является то, что открытому бою, в котором массы непосредственно противостоят друг другу, отныне пришел конец. Приходится возвращаться к способу борьбы дикарей, которые подкрадываются к врагу и поражают его исподтишка. В конце-концов такой способ дает большую уверенность в успехе: под надежной защитой окопов или двигаясь под прикрытием благоприятных природных условий почвы, сражающийся оказывается в оборонительном положении и может, не подвергаясь опасности, уничтожать наступающего неприятеля.

Всем вышеприведенным уничтожается проповедуемое высшей военной мудростью положение, что лучший способ обороны заключается в ее активности, конечно, при условии достаточности необходимых сил.

Ясно, что при наличности столь ужасного орудия истребления, каким является новейшее магазинное ружье, даже кавалерия утрачивает свое прежнее значение. Серьезная борьба для нее возможна только против кавалерии же или против обращенной в бегство пехоты, однако, не исключается возможность, что эта последняя, даже при этом условии, сознавая свое превосходство, снова перейдет в наступление. Таким образом пришел конец красивым показным кавалерийским боям, какие были в обычае, начиная с ежегодных маневров императора и кончая блестящими большими маневрами под Франкфуртом на-Майне в 1897 году, доставившими столько удовольствия всем нашим салонным военным. Генерал, позволивший себе подобное представление в действительном бою, без сомнения, отдал бы на убой всех своих людей и, пожалуй, должен был бы подвергнуться взысканию военно-полевого суда.

Дальнейшим следствием указываемого является то, что и разведочная служба кавалерии, для которой до сих пор она была прямо необходима, тоже теряет прежнее значение. Цель, какую кавалерист с лошадью представляет собою для спрятавшегося за любое дерево, куст или неровность почвы пехотинца, содействует его уничтожению даже в том случае, когда сам он ничего не видит и даже не слышит, откуда исходят направленные против него выстрелы. И если военное управление решится на то, на что рано или поздно оно вынуждено будет решиться, снять с вооружения и аммуниции частей все блестящее и сверкающее,—а следующая война, хочешь-нехочешь, заставит это сделать,—то этим путем еще более гарантируется безопасность пехоты в ее борьбе с кавалерией. Даже командный состав пехоты, начиная с ад'ютанта и выше, вплоть до полковника, будет вынужден спешиться и отправить лошадей в тыл, иначе уже в самом начале дела он окажется выведенным из строя.

Наконец, есть еще заслуживающая внимания особенность современного способа ведения войны, приобретающая истинное значение не на плацу или на маневрах, а в действительном бою. Это то, что растягивание частей длинными цепями страшно затрудняет командование и требует от людей высоких моральных качеств, которые при современном способе обучения едва ли могут быть привиты в должной мере. Наконец, не следует пренебрегать и тем, что сильно подвинувшаяся вперед техника орудий истребления человечества все же далека от совершенства. Пока еще изобретательность в области способов истребления человечества столь же мало исчерпана, как и всякое другое поприще техники. Соревнование между могущественными в военном отношении государствами вызывает все новые напряжения. Одна держава старается опе-

редить другую. Это служит поводом всем тем, кто чувствует себя с введением нового орудия как бы превзойденным, прилагать удвоенные силы, чтобы в свою очередь кого-нибудь обогнать. Таким образом, человеческий ум и изобретательность используются для целей, прямо как бы издевающихся над успехами культуры, а финансовые рессурсы народов непрерывно, во все усиливающейся степени, отнимаются от дел мира и цивилизации в пользу новых военных вооружений. На спокойного, беспристрастного наблюдателя подобное состояние производит впечатление сумасшедшего дома, заключенные которого все неразумное принимают за разумное и сообразно с этим поступают.

Это единственное в своем роде своеобразное развитие дела с одинаковыми следствиями для вооружения, наблюдаемо и на суше, и на море. Мало того, что Германия вправе похвастать лучшей армией в Европе, честолюбие правящих сфер направленно к тому, чтобы и морскому вооружению придать наибольшую силу и могущество. Под предлогом, что обширная международная торговля Германии, являющаяся плодом усиленной работы мирного времени, нуждается в надежной защите большого флота, требования усиления вооружения боевых судов в процентном отношении значительно превышают требования армии. Но тут надо принять во внимание еще и то печальное обстоятельство, что взгляды руководящих морских кругов на лучшие типы судов для боеспособного флота постоянно меняются. Сегодня—этот, завтра—тот тип судна признается лучшим, сообразно тому, как меняются лица, управляющие флотом. И еще скорее, чем вооружение постоянной армии, вводятся новые изобретения и улучшения в судостроении или снабжении судов боевыми машинами, вооружением и пр., и пр. Еще несколько лет тому назад раздавались возражения против постройки больших броненосцев. Выяснилось, что в открытом море, при свежей погоде они не достигают цели. На поперечной волне их так валяет, что при стрельбе они утрачивают меткость попадания. При громадной тяжести орудий,—металлическая часть одной из сильнейших пушек весит, приблизительно, пять тысяч пудов, — не исключается опасность, что на большой волне орудие сорвет, и оно увлечет за собою как часть борта с броневой обшивкой, так и прислугу. В тихую погоду броненосцу угрожает миноносец, от которого даже минно-сетевое заграждение не всегда является надежной защитой. И много других подобных возражений.

За периодом недоверия к большим броненосцам следовал период их превозношения, в котором мы пребываем и поныне. Постройка возможно большего количества крупнейших броненосцев представляется залогом верного успеха в морских столкновениях будущего. Даже бронированным крейсерам, подразделяемым на классы по их величине и исполняющим во флоте роль кавалерии в армии, — стараются придать характер броненосцев, от которых они, независимо от величины, отличаются легкостью и быстроходностью. В настоящее время, когда наши

морские учреждения собирают огромные суммы на постройку бронированных судов—броненосцев и бронированных крейсеров, и все европейские верфи заняты под их постройку, вдруг распространилась весть об изобретении нового средства истребления, которое, если приписываемое ему действие осуществится даже вполовину, неминуемо вызовет новый переворот в морском деле. Речь идет о новом изобретении известного Гудзона Максима, именуемом им «воздушной торпедой» и предложенном им в Лондоне на одном из осенних заседаний 1897 г. «Royal United Service Institution». Об этом изобретении говорится:

«Помощью торпед, морских мин и снарядов пневматических орудий стараются применить взрывчатую массу возможно большей силы для разрушения тяжелых броненосцев. Между тем сильнейшие мины,Говеля и Уайтхэда, вмещают только 90 килограмм пироксилина, тогда как для уничтожения современного бронированного судна нужно 225 килограмм его. С пневматическими снарядами, напротив, хорошие результаты достигаются только на близких расстояниях, так что еще до начала боя они могут быть выведены из строя, чему способствует также их сложность. Все многочисленные произведенные в этом направлении в Америке опыты терпели неудачу, потому что не было взрывчатого вещества, способного без всякой опасности привести в движение снаряды столь большого об'ема. Вместе со своим сотрудником Гудзен Максим считает эту задачу разрешенной изобретенiем особого взрывчатого вещества, названного ними «многократно взрывающим пироксилином Максим-Шуппгауз» а это ничто иное, как снабженная каналами, содержащая пироксилин оболочка, которая под давлением 700 килограмм равномерно сгорает и тем же продолжающимся давлением гонит снаряд через дуло. Исходя отсюда, Максим предлагает удвоить калибр современных орудий, причем внешнюю часть, от дна до цапфы, оставить без перемены, тем самым делая экономию в смысле увеличения веса, и применять снаряды с тонкой оболочкой, емкостью от полу до одной тонны пироксилина. Такому снаряду он дает название «воздушной мины или торпеды». Ниже помещаем сравнение орудия 30 сантм. калибра с новым минным орудием Максима 60 сантм. калибра, при одинаковом весе обоих в 46 тонн и большей длине последнего. Снаряд 30 сантм. орудия весит 385 килограмм и достигает при заряде в 76 килограмм кордита начальной скорости приблизительно 770 метров при давлении в 2.800 килограмм на кв. сантиметр. Снаряд орудия Максима весит приблизительно 1.225 килограмм и достигает, при заряде в 75 килограмм минным «пироксилином Максим-Шуппгауз» (poudre torpille Maxim-Schupphaus), начальной скорости в 600 метров при давлении в 700 килограмм на кв. сантм.; максимальная дальность достигает 15.000 метров. Из вышеприведенного Максим заключает, что тяжелые броненосцы-тихоходы должны будут уступить место более подвижным судам, и проектирует бронированное судно первого класса с четырьмя 30-сантм., двенадцатью 15 сантм. и

восемнадцатью орудиями разных калибров, а также пятью минными орудиями, общей стоимостью в 25 милл. Десять минных крейсеров по 2,5 миллиона с одним минным орудием в 60 сантиметров (в 46 тонн весом) и двумя минометами, по 20 тонн каждый. Минная пушка должна быть в состоянии с большою точностью выбросить ½ тонны пироксилина приблизительно на 15 километров в одну тонну на 8 километров. Каждый миномет 225 килограмм на 6½ километров и пол-тонны приблизительно на 3 километра.

Если действие новоизобретенной воздушной мины осуществится хотя бы частично, то в ближайшем будущем сильно понизится значение броненосцев, сотни миллионов окажутся в буквальном смысле слова выброшенными за борт. А так как подобное изобретение неминуемо вызовет соревнование всех морских держав, то речь идет уже о тысячах непроизводительно загубленных миллионов их.

Если воздушная мина еще не угрожает пока броненосцу, то действительной для него угрозой является минный истребитель. Судя по докладу английского вице-адмирала П. М. Коломба, сделанному им одновременно с Максимом осенью 1897 года в «Inited Service Institution» в Лондоне о бронированных судах и миноносцах,—бронированные суда не в силах противостоять минным истребителям. Изобретение минного истребителя даст судно, значительно превосходящее миноносцы по силе, противопоставляемой боевым судам, которое может держаться и в открытом море и спокойно отдавать якорь близ стоянки отрядов вражеских миноносцев. При своей быстроходности минный истребитель может спасаться от любого боевого судна и, представленный в должной численности, может принять бой с любым сильнейшим боевым судном. В тихую погоду истребитель превосходит ходом броненосцы, делая 30 узлов. Английские броненосцы в большинстве делают 17½ узлов, поэтому истребитель мог бы их нагнать из зоны обстрела (1.800 метров) в 6 минут. На сумму, необходимую для постройки одного броненосца, можно было бы построить 25 минных истребителей. По численности необходимой команды 15 истребителей равны одному броненосцу, чего в деле, где представлены оба типа, нельзя не принимать во внимание. В настоящее время в Англии строится истребитель даже с 33-узловым ходом. Имеются также минные истребители бронированные.

Развитие техники во флоте по быстроте и основательности усовершенствований вооружения далеко превосходит таковые же в армии. Об'яснение этому надо искать в том, что сила морского вооружения— прежде всего в качестве судов и их вооружения, тогда как в армии она заключается в численности и степени обучения людей.

Поэтому-то вооружение флота, едва конкурирующие державы вступят в соревнование, подобное наблюдаемому в армии, как это соответственно требует и крупнейших жертв, без всякого шанса на передышку.

Один технический успех вызывает другой, а наблюдающим его как бы загипнотизированным народам ничего не остается, как приносить все новые и новые жертвы в этом самом отвратительном, роковом состязании. И мы поэтому снова имеем право спросить: к чему это приведет? чем кончится? При первом известии примеру Германии, введшей в своей артиллерии новую пушку, как уже было сказано, последовала Франция. Едва это новое перевооружение Германии и Франции стало достоянием гласности, как из России пришла весть, что эта последняя опередила на несколько десятков батарей Германию, что служит для нее достаточным поводом к реорганизации и увеличению ее артиллерии. К этому надо прибавить еще более свежую новость, что Россия на западе своих европейских владений, т. е. у австро-германской границы, под шумок, сформировала два новых армейских корпуса,—известие тем более всех удивившее, что все были убеждены, что все ее силы и внимание прикованы к восточно-азиатским владениям, где у нее и без того того достаточно дела. **И все это в то время, как державные венценосцы клянутся друг другу в вечной дружбе и в том, что нет выше цели, как сохранение мира.**

II.

ОРГАНИЗАЦИЯ ГЕРМАНСКОЙ АРМИИ И ЕЕ РАЗВИТИЕ.

Первое крупное преобразование регулярной армии со времени так называмых, освободительных войн произведено в самом большом государстве Германии, в Пруссии, в начале шестидесятых годов известной реорганизацией армии, подавшей повод к столкновению между представителями народа и правительством. В 1866 году, после благополучно завершенной войны с Австрией и ставшими на ее сторону государствами Средней Германии, столкновение это было, наконец, улажено возмещением всех расходов Второй Прусской Палатой.

До этой крупной реорганизации основанием оборонительной силы, в духе ее творцов Шарнгорста и Гнейзенау являлся з а п а с. В силу закона от 4 сентября 1814 года прусские оборонительные силы состояли из: 1) Р е г у л я р н о й а р м и и, пополняемой призывными с 20 до 25-летнего возраста, из которых 3 года они должны были прослужить в строю. 2) Из з а п а с а п е р в о г о п р и з ы в а, всех боеспособных молодых людей с 20 до 25-летнего возраста, не служащих в регулярной армии, и отслуживших в ней с 26 до 32-летнего возраста. 3) Из з а п а с а в т о р о г о п р и з ы в а, к которому относились все мужчины, отбывшие службу в армии и запасе первого призыва с 32 до 39-летнего возраста. Наконец, 4) из о п о л ч е н и я всех мужчин до 50 лет, не числящихся в армии или запасе, бывших запасных и, наконец, здоровых юношей, начиная с 17-летнего возраста. Для запасных первого и второго призывов периодически назначались уче-

ния. Ополчение созывалось лишь для защиты отечественных владений от вражеского нашествия.

Новая организация армии 1861 года стремилась придать запасным частям второстепенное значение. За 1848—1850 года обнаружилось, что в некоторых случаях с запасными трудно бывает справиться, что они считают себя более гражданами, чем солдатами и слишком много рассуждают. Наступать с такими солдатами или вести войну, цели которой не пользуются сочувствием населения, весьма трудно. Старая организация являлась для военных по призванию бельмом в глазу и ее старались по возможности упразднить.

После войны 1866 года основание Северо-Германского Союза и вызванная им необходимость для всех вошедших в него государств создания общей вооруженной силы послужили желанным к этому поводом. По взаимному соглашению было определено, что регулярная армия формируется из одного процента всего населения, и была утверждена до конца 1871 г. военная смета, согласно которой на содержание каждого солдата регулярной армии ассигновывалось 255 талеров—775 марок в год. По этому закону военная служба длилась семь лет, из которых три года надо было прослужить в регулярной армии, четыре года—в запасе. Кроме того, был запас, пополнявшийся выслужившимися с 27 до 32-летнего возраста. Запас второго призыва и ополчение старой прусской военной организации были упразднены. На первое время в отдельных государствах Союза дальнейшее военное обязательство отслуживших свои сроки солдат заканчивалось на прежних основаниях впредь до проведения в жизнь новой организации в целом. Это дало в 1870—71 годах возможность выставить запасных старше 32 лет.

В 1871 году, с основанием Германской Империи новое военное положение Союза распространилось на все вошедшие в его состав государства.

Законом 1874 года силы армии (унтер-офицерами и нижн. чинами) были доведены с 350.000 до 401.659 человек. Численность новобранцев должна была быть определяема военной потребностью. «Положение» допускало постепенное усиление армии на случай войны. Одногодние вольноопределяющиеся, около 9.000 человек, сюда не вошли. Эта численность армии по представлению фон-Беннигсена была утверждена Рейхстагом на семь лет, т. е. до 1881 г. Означенное решение было принято большинством голосов 224 против 116.

Произведенная в шестидесятых годах реорганизация прусской армии послужила сигналом для подобных же мероприятий со стороны военных управлений большинства европейских государств. События с 1866 по 1870—71 г.г. только увеличили потребность в них. Так как войны 1864 года (Шлезвиг-Голштиния) и 1866 г. доказали превосходство ружья, заряжаемого с казенной части (системы Дриезе), над ружьем, заряжаемым с дула, и вынудили целый ряд

государств, особенно Францию, ввести ружье системы Шасспо, качественно значительно превосходившее немецкое,—последовало усиление всеобщего вооружения в различных больших государствах Европы и даже с крайней поспешностью.

До и во время франко-прусской войны германскому народу дано было понять, что как только наследственный враг Германии, Франция, будет побежден, то настанет длительный мирный период и возможны значительные сокращения в военном вооружении. Уже осенью 1870 г. мы с Либкнехтом доказывали в Северо-Германском Рейхстаге, а я, в качестве единственного депутата-социалиста, и еще позднее, весной 1871 года, что надежды эти совершенно тщетны. Что война, вообще далекая от сокращения военных расходов, вызовет как раз обратное, ибо результаты этой войны, особенно аннексия Эльзас-Лотарингии, бросит Францию в об'ятия России, сделав эту последнюю вершительницей судеб Европы, и вынудит Германию готовиться к борьбе уже с двумя врагами. Осенью 1871 года при защите военной сметы, в ответ на выраженную левыми надежду на уменьшение военных налогов, я высказался, что о таком облегчении и думать не приходится, что мы окажемся вынужденными не только сохранить нынешнее положение, но с годами перейдем к дальнейшему повышению военных издержек, во-первых, вследствие создавшегося политического положения Европы, а, во-вторых, вследствие дальнейшего развития социалистического движения внутри страны.

Все, что нам тогда пришлось высказать, — для чего, впрочем, не требовалось особой дальновидности, — слово в слово с тех пор осуществилось. Поразительная быстрота, с которой Франция оправилась от своего ужасного положения и не только восстановила, но и значительно улучшила и увеличила свою армию, послужила поводом для германского военного управления снова обратиться в Рейхстаг и требовать расширения организационных основ армии.

В сессию 1874—75 года был проведен закон об ополчении По этому закону в ополчение зачислялись все способные носить оружие мужчины с 17 до 42 лет включительно, кроме служащих в регулярной армии и в запасе. В отличие от старого ополченского устава, эти призванные ополченцы подлежали военным и дисциплинарным взысканиям. Далее было проведено, что в случае надобности исключительной, когда запасы всех сроков и все боеспособные команды запаса, резерва армии окажутся использованными, запас может быть пополняем ополчением. Это последнее призывается лишь в случае угрозы неприятеля вторжением или разделом отечественных владений. Призыв производится по возрастам, начиная с самого младшего, поскольку допускают военные соображения. Тем самым было восстановлено не только прежнее ополчение, но фактически, хотя и в несколько ином виде, снова сформирован запас второго призыва, восемь лет назад упраздненный. Потому что статьи

нового закона об ополчении, вследствие их исключительной широты, давали, на случай войны, полную возможность призывать решительно всех ополченцев с военной подготовкой до 42 лет включительно.

Этими мерами преобразования германской военной организации не только не были закончены, а в сущности лишь начинались. Еще не истек определенный в 1874 году Рейхстагом семилетний срок, как последовало новое усиление армии и было предпринято расширение организационных начал ее. Численность постоянной армии, до тех пор составлявшая 401.659 человек, в 1880 году была повышена до 427,000 человек. В эту цифру не входили одногодние вольноопределяющиеся, офицеры, военные врачи, казначеи, оружейные мастера и прочие. Кроме того, дальнейшее усиление армии достигалось еще призывами части запаса резерва I класса для краткосрочного обучения, в общем обнимавшего двадцать недель, а именно, в последовательном порядке сроков—на десять, шесть и четыре недели в течение трехлетнего периода. Ежегодно из запаса резерва должно было быть призываемо для обучения столько человек, чтобы в случае мобилизации можно было семью годичными сроками довести армию до полного комплекта. Такими мерами рассчитывали в короткий срок превратить людей в годных для полевой службы солдат. Численность таким образом обучаемых достигала 17.000—18.000 чел. ежегодно.

Наконец, когда французское правительство внесло в Палату новый военный законопроект,—это обстоятельство снова послужило поводом и оправданием нового требования германского правительства дальнейшего увеличения армии с 427.200 до 468.409 человек. Далее правительство потребовало, чтобы эта увеличенная цифра призванных, по примеру 1880 года, была бы утверждена на семилетний срок. Рейхстаг большинством голосов утвердил ее лишь на три года. Обстоятельство это было использовано для роспуска Рейхстага, после чего при памятных угрозах войны был созван знаменитый семимесячный Рейхстаг, который беспрекословно согласился со всеми требованиями правительства.

Но князь Бисмарк всегда умел ковать железо, пока оно горячо. Когда у него оказался созванным податливый Рейхстаг, он и его использовал на то, чтобы снова провалить новый военный законопроект. После этого запас был подразделен на первый и второй призывы. Ополчение подразделялось также на два призыва, и срок службы в ополчении увеличен на три года. Эта новая организация, существующая и поныне, представляется в следующем виде. Регулярная армия—три года, запас резерва—четыре года, запас первого призыва оканчивается 32 годами включительно, запас второго призыва кончается, когда запасному минет 39 лет. Пополнение запаса резерва первого класса сохранялось в прежнем виде, но в 1893 году сущность его была упразднена. Ополчение первого призыва пополнялось всеми военнообязанными с 17 лет, до 31 марта того года, в ко-

тором им минет 39 лет. В ополчение второго призыва зачислялись все военнообязанные с вышеприведенного числа до полных 45 лет. Ополчение второго призыва обыкновенно формируется в особые части, кроме того, в случае исключительной надобности, ополчение может быть привлекаемо для пополнения армии и флота.

Таким путем в 1887 году была снова восстановлена не только прежняя организация оборонительных сил, какой Пруссия располагала при основании Северо-Германского Союза и тогда упраздненная, но она была еще увеличена тем, что в случае исключительной надобности, подготовленными ополченцами пользовались для пополнения армии и флота, т. е. уже для службы против врага даже на неприятельской территории. Старое же прусское ополчение применялось лишь в отечественных областях для пополнений чрезвычайного характера. Краткосрочное обучение запаса резерва первого класса являлось также организацией, незнакомой старой прусской армии.

В 1890 году Рейхстаг большинством голосов, и без излишних прений согласился на новое повышение численности призванных на действительную службу, а именно, с 468.409 на 486,983 человека. Зато в 1893 году новое требование весьма значительного увеличения призыва послужило поводом к столкновению между правительством и Рейхстагом, вызвавшем роспуск последнего и выборы нового. Этот вновь созванный Рейхстаг незначительным большинством голосов, достигнутым депутатами-антисемитами, согласился на новые требования, сокращенные против прежних на 14.000 человек. Численный состав призванных на действительную службу, достигший уже 557,093 человек, на 70,110 человек более прежнего, был утвержден. Кроме того цифра эта была принята не за максимальную, а за среднюю, для призыва мирного времени, что допускало дальнейшее увеличение по меньшей мере на 17.000 человек. Зато двадцатинедельное обучение дополнительного запаса резерва первого класса, как уже упомянуто, было сокращено до незначительной цифры, приблизительно около 1000 человек.

Как видно, каждый новый состав Рейхстага, вследствие конфликта своего предшественника с правительством, всегда доставлял большинство голосов требованиям этого последнего, несмотря на то, что, например, в 1887 году, по партиям, число голосовавших против на 100.000 было больше, чем у стоявших за требования правительства. Податливое большинство депутатов было достигнуто особого рода выпадом— выборами дополнительными. Выборы 1893 г. дали притязаниям правительства еще менее выгодный результат, ибо противники военной сметы собрали тогда большинство в 1.169.000 на общее число своих кандидатов в 4.394.000 против 3.225.000 голосов, так что, если бы депутаты— антисемиты при голосовании и не отпали, то и в таком случае большинством голосов Рейхстаг нового состава отклонил бы законопроект. Единственной выгодой, извлеченной народом, этим новым правопорядком в

конце концов было то, что трехлетний срок службы для пехоты — это не коснулось ни конной артиллерии, ни кавалерии — с трех лет был сокращен на два года. И все же несмотря на колоссальный рост армий нам и в дальнейшем предстоят все новые требования.

Развитие военных сил в германской армии за мирный период с 1872 по 1893 год представляется в следующем виде:

1872	350.000 чел.
1875	401.659 »
1881	427.274 »
1887	468.400 »
1890	486.983 »
1893	557.093 »

Последняя цыфра является, как уже упоминалось, средним выводом. В нее не вошли одногодние вольноопреляющиеся, офицеры, врачи, казначеи, оружейные мастера, шорники, военные чиновники и пр.

Сопоставление численности народонаселения и призыва мирного времени с 1872 по 1893 год показывает, что за этот промежуток времени численность населения едва повысилась на 25 процентов, тогда как армия мирного времени увеличилась на 50 процентов.

Несравненно труднее картины развития армии представить развитие, которому постепенно с основания государства подвергался германский флот. Из-за постоянных, чуть ли не каждые два года, происходящих изменений, в размерах, способах постройки и вооружения судов, из-за вечно меняющихся взглядов в морских правящих сферах, нечего искать систематических реформ. Ни одна из представленных с 1867 года программ судостроения не была выполнена полностью. Постоянно производились изменения, а также и превышения программы. Так, — приводим для примера — согласно росписи 1873 г. для удовлетворения обширных требований на новое судостроение определялось 130 милл. марок. Между тем, на заседании Рейхстага, 18 марта 1897 года, докладчик по морским делам, депутат доктор Либер, указал, что, включая смету на 1896—1897 гг. на постройку и вооружение флота уже истрачено 401.600.000 марок, да еще предстоят расходы в 245 миллионов марок, общй суммой в 646.500.000 марок, т. е. в пять раз больше, чем было предположено в 1873 году. Правда, с тех пор стоимость судостроения и вооружения, вследствие увеличения требований, повысилась, но тем самым увеличилась и их военная ценность. Правда и то, что не первый попавшийся любитель способен решить, сколько из наличных военных судов и для какой цели могут быть применены в будущей войне. Даже в самых осведомленных кругах мнения на этот счет расходятся. Морское же ведомство заинтересовано в том, чтобы в глазах Рейхстага и иностранных держав представить силы флота более слабыми, чем они есть на самом деле. И оно тем легче достигает цели, что точная осведомленность о положении дела во флоте несравненно труднее, чем в армии.

Развитие флота, главным образом, можно определить по тем суммам, которые с годами на него использованы. При этом выясняется, что точно также, как и в армии, особо быстрый рост ежегодных расходов наблюдаем с 1888 года, момента вступления на престол ныне царствующего императора.

С тех пор во все возрастающей мере, выставляется требование, чтобы Германия, став по своей армии одной из сильнейших, чтобы не сказать первой военной державой, заняла бы соответствующее положение и в отношении флота. Мысль, что народ для утверждения своей внешней силы должен жертвовать решительно всем, каково бы ни было положение внутри страны, — всецело завладевает всеми помыслами весьма влиятельных кругов. Они доказывают, что не может продолжаться такое положение, чтобы Германия наряду со своим положительно чудовищным сухопутным вооружением, которое позволит ей в случае необходимости вести войну на два фронта (с Россией и Францией), содержала второразрядный флот. Там настойчиво требуют, чтобы Германия и на море, как и на суше, располагала бы силами наступательными, потому что для оборонительных действий вполне достаточны наличные морские силы и существующие сооружения береговой обороны. В отношении обороны. В отношении обороны, береговая линия Германии значительно удобнее морских границ остальных великих держав Европы. Берега Северного моря, за малыми исключениями, которые нетрудно укрепить, защищены от неприятельского вторжения природными условиями местности,—банки, отмели—мелководье на огромном протяжении делают неприятельский дессант либо совершенно невозможным, либо исключительно затрудненным. Но и восточное побережье представляет столь мало удобных для нападения неприятельского флота мелей, что эти последние легко могут быть защищены с сравнительно небольшими затратами. Покойный Мольтке указывал, что французский и русский дессанты, даже в крупных размерах, нам не страшны, в виду полной готовности многочисленных сил береговой обороны. Подобный же взгляд высказал в своих мемуарах уже в 1873 году Бисмарк. В них говорилось: наступательные действия в большой войне Германия должна предоставить своей сухопутной армии. Дале он высказывал: «Сравнивая сухопутную войну с морской, не следует забывать один пункт: каждая взятая неприятельская деревня есть фактический успех; взятое же военное судно будет принято в расчет лишь тогда, когда будут подведены итоги войны. Взятая крепость обеспечивает завоевание целого округа, взятие целой неприятельской эскадры, самое большее, дает средства приступить к завоеванию».

Также точно генерал-фельдмаршал фон-Блуме, в своем труде по стратегии, указывает на те исключительные трудности, каким неприятельская высадка неминуемо подвергнется у немецких берегов. Он говорит, что для переброски одного армейского корпуса (круглым счетом 30.000 чел.) с лошадьми, провиантом, обозом и т. п. понадо-

бятся приблизительно 50 больших транспортов торгового флота. Самые крупные военные транспорты, в виду их глубокой осадки и связанных с этим трудностей при нагрузке и выгрузке, для перевозки непригодны и даже суда торгового флота допускают высадку на большей части побережья лишь с помощью понтонов, паромов и самолетов. Далее, даже при самых благоприятных условиях погоды и в предположении, что подобная высадка совершается без всякого препятствия со стороны немцев, она заняла бы целых 48 часов. Если бы даже подобная высадка состоялась, кто поверит, что столь маленькая у любого места германского побережья, отрезанная от своего опорного пункта, сила сможет что-либо сделать? «Немногочисленные в надлежащих железнодорожных пунктах расположенные и содержимые наготове части обеспечивают уже в данный момент Германию от попытки нападения с моря откуда бы то ни было», — говорит генерал фон-Блуме. Так же и статс-секретарь морского ведомства, как в бюджетной комиссии Рейхстага в сессию 1896—1897 г.г., так и на заседании Рейхстага 18 марта 1897 года, решительно заявил, что для береговой обороны наличный флот не только вполне достаточен, но, что для нее он вовсе не необходим. «Если вы для защиты против неприятельского вторжения требуете лишь береговой обороны, то конечно вы можете обрести защиту не только с помощью судов, но и всякими другими средствами. В другом месте своей речи он сказал: «Если же вы, господа, желаете сохранить обладание морем, тогда вы должны иметь флот и только такой флот, который способен дать бой неприятелю, покушающемуся на его обладание морем, если этот неприятель встретится с нашим флотом».

Подобные же взгляды, как под конец приведенные, находим мы и в речах государственного канцлера и статс-секретаря по иностранным делам. В повышенном тоне звучат они и при защите требований правительства членами палаты, национал-либеральной и консервативной партий. Все также отлично помнят известные взгляды на мировую политику, которой Германия в силу ее мирового могущества должна придерживаться, взгляды, высказанные зимою 1895—96 года очень влиятельной стороной и встретившие восторженный отклик в части нашей прессы. В Германии существуют небольшие, но могущественные круги, еще с 1876 года не успевшие выйти из шовинистского столбняка. Они поражены furor teutonicus и в своем сверх-национальном самообольщении полагают, что Германия при малейшем столкновении с каким-нибудь государством всенепременно должна выступить и с лихостью лейтенанта в отставке при громе пушек и звоне сабель, а то и под угрозой морской демонстрации требовать себе слепого повиновения. Если бы следовать желанию этих лиц, то Германия давным-давно попала бы в тягчайшие затруднения и вынуждена была бы бороться за самое свое существование. С той же стороны считают в порядке вещей, что Германия всюду вмешивается в чужие

дела и всюду же считает нужным вставлять свое слово. Жажда вмешательства растет по мере того, как растут к тому силы, а уже это одно побуждает к осторожности.

Удивительно то, что увлечение широкими морскими перспективами всего слабее там, где их всего скорее можно было бы ожидать, в германских торговых портах. Там, кажется, опасаются, что с увеличением роста флота, будет расти и жажда вмешательства, непременным последствием чего явятся значительные нарушения торговых сношений. Если же и признают большой флот необходимым, чтобы на случай войны иметь возможность померяться с врагом, то принимают во внимание, что противником, с которым Германия прежде всего имеет в виду сразиться, является Франция и Россия. Возможность войны с одним из этих государств, при ныне существующем положении в Европе, исключена. Но создать и содержать, наряду с армией, и флот, способный противостоять обоим противникам вместе, вещь невозможная. В той же самой мере, как Германия увеличивает свой флот, оба эти противника, флоты которых уже сейчас превосходят германский, будут тем самым подстрекаемы к увеличению своих морских сил. Та же с сумашествием граничащая борьба соревнования, имеющая место в увеличении и усилении постоянной армии, переносится и в область развития флота. Помимо того, что в мирное время Германия не в силах длительно выдерживать подобное состояние, как сможет она, наряду с колоссальными едва переносимыми финансовыми жертвами на сухопутную войну на два фронта, принять на себя еще и морскую войну, тоже на два фронта, добывать чудовищные средства для той и другой?

Если Германия в видах успешного ведения сухопутной войны сочла себя вынужденной искать, вследствие общности интересов, союза с Италией и Австрией, то в случае войны с Францией и Россией ей ничего больше не останется, как искать себе союзника на море. Таким союзником могла бы быть Англия, интересы которой, несмотря на всю торгово-политическую конкуренцию, всего менее расходятся. Напротив, Англия и Германия, именно в отношении развития соотношения сил Европы, которое для нас имеет решающее значение,—имеют много общих интересов. Но с беспримерной близорукостью ни со стороны влиятельных кругов Германии, ни со стороны германской дипломатии это положение дела не удостаивается внимания, еще того менее в Англии. Скорее то там, то тут находятся люди, всеми силами раздувающие малейшие разногласия или торговые соревнования и стараются натравливать обе нации друг на друга в ущерб культурному развитию мира и своему собственному. Часть этих шовинистов идет даже дальше, мечтая, подобно каким то выродкам, о войне между Германией и Англией, хуже чего уже нельзя придумать. Если же считать подобный невообразимый случай наступившим, то война может быть только морскою, в которой германский флот, как бы силен он ни был, в самое короткое время будет уничтожен английским. Вторым следствием будет

то, что весьма скоро по об'явлении войны, Германия потеряет колонии, утрата на наш взгляд легко переносимая, но тем более горестная для наших морских и колониальных поборников. Третьим и самым худшим следствием было бы овладение Англией большей частью германского торгового флота и местами сбыта Германии на мировом рынке. Потеря, которую десятки лет упорного труда и величайших жертв не смогут восстановить. Наконец, так же верно, как в азбуке за а следует б, что за такой несчастной войной с Англией последует война с Францией, и с Россией, если она не начнется еще во время борьбы с Англией, что завершит гибель Германии. Россия и Франция не могут желать ничего лучшего, как столкновения между Германией и Англией. Тогда вожделения обоих легко могли бы быть удовлетворены. Франция снова получила бы Эльзас-Лотарингию, а то и левый берег Рейна. Россия же могла бы осуществить свои мечты на западной окраине (Западная и Восточная Пруссия) для округления своих польских владений, взять в свои руки устья Немана и Вислы и несколько портов в придачу. Таким образом, было бы заложено основание к мировому господству России, о котором с ужасом думал уже Наполеон I, потому, что тогда вопрос захвата Константинополя и европейских и малоазиатских владений Турции Россией был бы только вопросом весьма короткого времени.

Если же возможность морской войны с Англией исключена,—с кем же воевать? С Бельгией, Голландией, Данией, Швецией и Норвегией? Смешно сказать! Или с Соединенными Штатами? Соединенные Штаты Америки не располагают армией по европейским понятиям. Приблизительно 25.000 человек наемного войска для необ'ятной страны—ничтожная горсточка и предназначается только для усмирений дикарей Дальнего Запада. Северо-американский флот слабее германского и тем не менее даже всесильная Англия не желала бы довести дело до войны с Америкой? Почему? Потому, что она знает, что страна эта, с ее приблизительно 70-миллионным населением, располагает неисчерпаемыми средствами существования, которые дают ей полную возможность чуть ли не в 24 часа выставить сильнейшую армию и колоссальный флот. А на что она в этом отношении способна доказала в шестидесятых годах пораженному миру война за освобождение черных. И хотят, чтобы Германия попробовала с ней воевать?

Или нам придется сражаться с одной из больших английских колоний? За них постоит родина. Или с одним из государств Америки? Возможно,—если бы не существовала доктрина Монрое, т. е. господствующее среди северо-американских политиков постановление—держать чужеземные силы в известных границах от вмешательства в дела Штатов. Когда в 1895 году произошло известное столкновение между Англией и Венецуэлой,—достаточно было только решительного поведения Соединенных Штатов, чтобы удержать Англию от военного выступления. И она тотчас пошла по пути мирного разрешения вопроса.

Пример Соединенных Штатов показывает, что можно быть вели-
кой державой, не имея ни настоящего войска, ни большого флота и
все же располагать уважением всего мира.

С кем же вести Германии морскую войну? С Японией? При суще-
ствующем развитии сил Японии и ее отдаленности это тоже невозможно.
С Китаем или с одной из полуденных народностей островных государств?
Как показал опыт, все это можно проделать с весьма немногими судами.
При серьезных столкновениях в такой стране, как Китай, кроется опас-
ность международных столкновений и если они все-же будут разрешаемы
в пользу Германии, то только при поддержке одной или нескольких дер-
жав, пользующихся значением на Дальнем Востоке.

Так, например, утверждение Германии на восточно-азиатском
побережьи возможно лишь потому, что то Англия и Япония, то Рос-
сия и Франция стоят на стороне Германии. И в зависимости от ми-
лости или немилости той или другой партии и в будущем находится по-
ложение Германии в Восточной Азии. Если в один прекрасный день у
Германии произойдет столкновение с Англией или Японией или с обеими
вместе, — тотчас ее восточно-азиатские владения подвергнутся риску
быть потерянными и никакие жертвы, даже самые огромные, не
смогут это предотвратить. При серьезном конфликте с Россией и Фран-
цией утрата Германией ее восточно-азиатских владений несомненна.
Таким образом, укрепление Германии на Востоке увеличивает вообще
зависимость ее от России; зависимость эта и ныне, вследствие собы-
тий 1870—71 г.г., очень велика. Германия все более и более прира-
ское негодование не может избавить нас от него. Чем прочнее Герма-
ния с помощью России утвердится на Дальнем Востоке, тем сильнее
станет ее зависимость от нее в Европе.

В силу всего этого главным полем деятельности для большого
флота остается защита германской торговли. Столь мало, однако, за-
висит торговля от флота показывают примеры Франции и Англии.
Франция располагает более сильным флотом, чем Германия, а ее тор-
говля значительно отстала от германской. Англии принадлежит самый
сильный флот в мире. Однако, он не мог воспрепятствовать пониже-
нию английского вывоза с 1872 по 1896 год на 20 процентов, тогда
как германский вывоз за тот же период времени и главным образом за
счет английского повысился на 62 процента.

В мирное время торговля не нуждается в защите, а во время войны
флот никогда в достаточной мере не будет в состоянии ей помочь. Рос-
сийский и французский флоты, особенно последний, располагают столь
выгодным географическим положением, что они, не доводя даже до
войны, могут наносить серьезный вред германским торговым судам.
Огромный риск, которому в случае войны с обеими вышеназванными
державами, подвергаются германские торговые суда, вынудит их, за не-
многими исключениями, остаться в своих портах. Важнейшая часть
торговли должна будет производиться нейтральными судами или через

нейтральные государства сухим путем, — через Бельгию, Голландию, Швейцарию. При посредничестве Голландии и Бельгии — в случае такой войны, — Германии придется получать предметы первой необходимости. Но что и флот сильной континентальной державы не многое сможет сделать, если армия ее, поражениями ли или превосходством неприятеля, будет доведена до крайнего напряжения сил, — показал пример Франции в войну 1870 — 1871 гг. Страх пред французским флотом был тогда в Германии очень велик. Но поражения, понесенные французскими армиями на суше, вынудили командующих перевести всех моряков для усиления крепостей в пехоту и артиллерию, и тут эти части проявили себя с самой лучшей стороны.

Опыт французского флота в войну семидесятых годов вполне подтверждает уже приведенное нами мнение Бисмарка, высказанное им в 1873 году. Но для Германии необходимо принимать во внимание еще один уже затронутый нами весьма важный вопрос. Это то, что сможет ли она в случае борьбы за свое существование против России и Франции, кроме огромных средств, необходимых для ведения войны на суше, — собрать достаточно денег на морскую войну в широком масштабе. Ни один государственный человек не сможет ответить на это утвердительно. И этим опять-таки доказывается, что весьма опасна политика обирания народа в мирное время; использовывать его последние рессурсы на всевозможные цели и тем самым ослаблять его силы и средства, нужные ему для решающей борьбы там, где он только и может опасаться поражения, т.-е. на суше, а вовсе не на море.

Столь часто возбуждаемый вопрос защиты немцев за-границей не имеет того значения, чтобы оправдывать постройку и содержание крупного военного флота. Согласно опубликованной в августовской книжке журнала «Север и Юг» за 1897 г. в статье Розалии фон-Биберштейна, заокеанские страны насчитывают 2.918.240 уроженца Германии, но из них только 28.126 германских подданных могут в данном случае претендовать на защиту со стороны государства. Значительная часть этих германских подданных находится в странах, где всякие столкновения разрешаемы мирным порядком, где военные выступления не допускаются, как, например, Соединенные Штаты, английские колонии (Канада, Капланд, Индия, Австралия), далее Алжир, Египет и т. д. Число германских подданных в странах, способных вызвать военно-морскую демонстрацию, очень не велико и в отношении их вовсе не нужно боевого флота, для этого вполне достаточно имеющихся у Германии военных судов. Кроме того, могущественные интересы экономического характера побуждают культурные государства по возможности улаживать все возникающие разногласия. Даже сам граф Каприви, будучи государственным канцлером, так высказался 10 декабря 1891 года в германском Рейхстаге, обсуждавшем Торговый и Таможенный Договор с Австро-Венгрией:

«Не невозможно, что настанет время, когда они (европейские государства) поймут, что они могут сделать нечто более умное, чем высасы-

вать друг у друга кровь, потому что они окажутся вынужденными вложить все свои силы в экономическую борьбу за существование».

Подобным же образом, в ноябре 1897 года, высказался и австрийский министр иностранных дел, граф Голуховский, перед австро-венгерской делегацией, хотя он отчасти при этом имел в виду несколько иные цели, чем граф Каприви.

Чем более великие державы Европы проявили бы умеренности в их военном вооружении на суше и на море, тем они ускорили бы взаимное сближение. Тогда как всякое новое вооружение, напротив, вызывает только недоверие и побуждает на ответные мероприятия.

Но кто расчитывает на подобный взгляд, надеется напрасно. Узкопартийный характер государства и общества, для которых армия — благородное орудие поддержания своего классового господства не позволяет предпринимать то, что диктует благоразумие. Слишком много интересов заложено в поддержание этого состояния. Не зажмуриваясь даже мчатся навстречу злейшей опасности, все еще надеясь, что время не ушло, а «после нас хоть потоп». И материальные жертвы, которые этим состоянием непрестанной боевой готовности на суше, на море, прямо или косвенно, с каждым годом все более и более обременяют народы Европы, столь громадны, что не могут не вызывать величайшего страха и даже ужаса.

III.

РАСХОДЫ ПО ВООРУЖЕНИЮ.

Стоит подсчитать, чтобы понять, каких денежных жертв требует подобное состояние непрерывного вооружения Германии.

Нижеследующая таблица заключает расходы с 1877-78 года по 1897-98 год. Отчетный год начинается 1 апреля и кончается 31 марта, следующего года. Расходы с 1872 года по 1877-78 год подвергались изменениям, дополнениям и расширениям, вызванным по мнению военных руководителей франко-прусской войной. Новые организации и сооружения того периода оплачивались французскими миллиардами [1]), которых позже не было, вследствие чего пришлось прибегнуть к займам. Первый заем на военно-морские нужды был произведен в 1876 году.

Помимо чрезвычайных расходов для военных и морских целей из французских миллиардов, составляющих, по крайней мере, полтораста миллионов, с 1872 года по 1876-77 год было, согласно сметы, истрачено текущими расходами на регулярную армию 1.499.159.000 марок и единовременных расходов—208.371.000 марок, при текущем расходе

---

¹) 5,000,000,000 франков золотом военной контрибуции, уплаченные Францией Германии в 1871 году.

на флот в 78.062.000 марок и единовременном для него же в 102.731.000 марок. На пенсионный фонд мирного времени по регулярной армии и по флоту 86.800.000 марок общая сумма в 1.975.123.000 марок, или почти два миллиарда.

Таким образом, за годы 1877-78—1897-98, военные расходы представляются в следующем виде:

1. ПО АРМИИ.

Год.	a) Текущие расходы. Марок.	b) Единовременные расходы. Марок.	c) Единовременные расходы чрезвычайной сметы. Марок.	Общей суммой. Марок.
1877—78	320.376,200	7.397,900	46.597,000	372.371,100
1878—79	318.677,100	6.872,100	54.017,000	379.566,200
1879—80	315.233,000	7.501,500	38.616,500	361.351,000
1880—81	327.065,900	5.827,800	36.874,500	369.768,200
1881—82	343.813,300	5.174.500	47.004,800	396.092,600
1882—83	341.584,700	6.243,900	22.839,200	370.667,800
1883—84	337.459,300	8.977,400	17.898,300	364.335,000
1884—85	338.825,500	6.864,400	19.004,100	364.694,000
1885—86	338.434,000	9.259,900	23.961,700	371.655,600
1886—87	342.381,900	9.600,100	44.099,400	396.081,400
1887—88	359.264,100	16.079,000	153.255.500	528.598,600
1888—89	362 939.200	11,286,100	176.310.200	550.535,500
1889—90	378.087,900	17.091,900	146.127,200	541.307,000
1890—91	399.943,700	42.479,600	277.090.800	719.514,100
1891—92	430.653,200	40.675,400	95.185.400	566.514,000
1892—93	435.689,400	41.854,900	99.077,200	576.621,500
1893—94	450.178,700	35.605,400	116.770,600	602.554,700
1894—95	482.217,800	42.696,800	92.850,700	617.765,300
1895—96	472.212,400	43.929,300	46.686,900	562.828,600
1896—97	479.525,100	45.274,600	24.789,400	549.589,100
1897—98	493.036,700	39.462,400	58.474,000	590.973,100
Марок . . .	8.067,699,100	450.154,900	1.637,530,400	10.155,384,400

2. ПО ФЛОТУ.

Год.	Текущие расходы постоянной сметы. Марок.	Единовременные расходы обыкновенной и чрезвычайной сметы. Марок.	Общей суммой. Марок.
1877—78	21.282,700	29.931,300	51.214,000
1878—79	22.686,100	40.003,200	62.689,300
1879—80	23.460,200	20.239,100	43.699,300
1880—81	24.736,800	15.219,700	39.956,500
1881—82	26.810,900	11.192,900	28.003,800
1882—83	25.656,300	10.725,000	36.381,000

Год.	Текущие расходы постоянной сметы.	Единовременные расходы обыкновенной и чрезвычайной сметы.	Общей суммой.
	Марок.	Марок.	Марок.
1883—84	27.463,000	12.350,000	39.813,000
1884—85	32.284,000	16.150,000	48.434,000
1885—86	36.660,000	15.398,800	52.058,800
1886--87	36.256,000	14.211,400	50.467.400
1887—88	39.203,900	13.153,200	52.357,100
1888—89	36.856,800	14.192,100	51.048,900
1889—90	38.913,000	15.988,800	54.901,800
1890—91	40.959,500	30.768,100	71.727,600
1891—92	45.387,200	30.009,800	75.397,000
1892—93	45.721,500	44.717,600	90.439,100
1893—94	48.110,800	33.130,100	81.240,900
1894 –95	50.848,900	27.684,000	78.532,900
1895—96	58.550,200	27.393,400	85.943,600
1896—97	55.382,300	30.877,000	86.259,900
1897—98	59.430,500	58.094,900	117.525,400
Марок	796.660.600	511.431,000	1.298,091,600

3. ПО ПЕНСИОННОМУ ФОНДУ МИРНОГО ВРЕМЕНИ.

Год.	a) Армия.	b) Флот.
	Марок.	Марок.
1877—78	15.900,900	287,200
1878—79	16.224,200	339,200
1879—80	16.489,000	385,000
1880—81	17.231,400	409,800
1881—82	17.901,000	455,100
1882—83	18.378.700	481,600
1883—84	18.817,100	521,300
1384—85	19 561,400	559.900
1885—86	20.069.400	615.800
1886—87	22.048.500	726,700
1887—88	24.444,000	864,000
1888—89	27.069,200	1.014.400
1889—90	32.643,0 0	1.068,100
1890—91	35.911,000	1.210,300
1891—92	37.332,400	1.377,700
1892—93	39.403,400	1.529,000
1893—94	42.846,400	1.768,300
1894—95	45.331,200	2.037,500
1895—96	48.264.600	2.335,400
1896- 97	52.552,000	2.690.200
1897—98	58.218.200	2.881,900
Марок . . .	626.637,000	235.58,200

4. ПО ПРОЦЕНТАМ ГОСУДАРСТВЕННОГО ДОЛГА.

Год.	Марок.	Год.	Марок.
1877—78	2.358,400	1888—89	29.034,700
1878—79	2.917,300	1889—90	34.647,000
1879—80	5.746,500	1890—91	48.274,100
1880—81	8.941.800	1891—92	55.807,100
1881—82	11.152.300	1892—93	58.710,800
1882—83	12.969,700	1893—94	64.927,800
1883—84	14.198,800	1894—95	68.704,500
1884—85	15.830,400	1895—96	71.435,600
1885—86	17.392,900	1896—97	75.705,700
1886—87	18.625,000	1897—98	74.826,500
1887—88	21.176,300		
Итого			713.383 200

С этой последней суммы следует снять проценты по почтово-телеграфной организации и сооружениям, составляющим 16 процентов (сумма не из малых) общих расходов по процентам. Остается, таким образом, расход круглым счетом в 600 миллионов марок процентов по расходам на военное и морское ведомства.

Сообразно с этим, общую сумму расходов с 1877-78 года по 1897-98 год составляют:

а)	на Государственную армию в	10.155.384,400 мар.
в)	,, ,, флот в	1.298.091,600 „
с)	,, ,, пенсионный фонд мирного времени в	650.295,200 „
а)	на проценты по государственному долгу по армии и по флоту	600.000,000 „
	Общей суммой	12.703.671,200 мар.

Если к этому прибавить общие расходы на те же цели за годы с 1872 года по 1876-77 год, в размере 1.995.123.000 мар., то за промежуток в 27 лет на военные цели было издержано 14.698.794.200 марок, которые с возмещениями и военным снабжением из французских миллиардов подымутся до 16.000.000.000 марок.

Найдется ли в какой-либо стране или государстве культурное учреждение, где хотя бы приблизительно производились бы подобные расходы?

Все, вместе взятое, что Германская империя и ее отдельные государства тратят на просветительные учреждения в самом широком об'еме, на общественное здравоохранение, по развитию наук и искусств, по улучшению почв, сооружению водных путей, строительству, — все эти расходы даже отдаленно не составляют того, что тратится на военные и морские цели.

Состояние Германии в этой области только отражает положение, господствующее по всей Европе и у всех великих держав без исключения.

Несколько данных, относящихся к 1896 году, это подтвердят.

Израсходовано:

Францией на постоянную армию . . .	633.757,000 фр.
„ „ постоянный флот	265.927,000 „
Итого	899.684,000 фр.
Россией на постоянную армию	288.521,900 руб.
„ „ постоянный флот	57.966,000 „
Итого	346.487,900 руб.
Австрией на постоянную армию	140.179,699 гулд.
„ „ постоянный флот	14.081,260 „
Итого	154.260,959 гулд.
Италией на постоянную армию	269.475,800 лир.
„ „ постоянный флот	99.336.000 „
Итого	368.811.800 лир.
Великобританией и Ирландией на постоянную армию	18.460,000 ф.ст.
Великобританией и Ирландией па постоянный флот	19.724,000 „ „
Итого	38.184,000 ф.ст.

В подобном же шести великим европейским державам обремененными военными расходами пребывают и остальные государства Европы. Даже об'явленные нейтральными государствами, Бельгия и Швейцария, не могут избежать общего течения. Они опасаются, что в случае войны между великими державами их нейтралитет не будет признаваем, и во время борьбы, та или другая держава, с частью армии прорвется через их владения, чтобы броситься на врага с фланга или с тыла. В виду такой возможности, они должны вооружаться и вынуждены, наряду с расходами на армию, еще строить дорого стоющие укрепления. В 1896 году военный бюджет Бельгии достигал 47.865.000 франк., Швейцарии — в 1897 году, круглым счетом 23.000.000 франков.

Какова будет в будущую войну численность полевых армий, — не поддается точному исчислению. Каждое государство старается показать свою армию возможно меньшею. Но так как все континентальные великие державы ввели всеобщую воинскую повинность, кадры армий достигли огромного расширения, срок военной службы в них простирается до 40 лет и так как в случае войны каждое государство поспешит поставить всех, кого только можно, под ружье, то вполне вероятно, что одни только пять великих держав Европы выставят вооруженную силу в 13—14 миллионов.

С наступлением будущей войны, ни один способный носить оружие мужчина, не сможет остаться дома. Так, что мы должны создать такую организацию, чтобы и освобожденные от военной службы, могли бы быть

использованы», так выразился государственный канцлер, граф Каприви, 16 мая 1890 года. Как в 1890 году, так и в 1893 году, высказанная устами государственного канцлера и военного министра фон Верди «мысль Шарнгорста» не была осуществлена. И по той простой причине, что осуществление ее, при наличности системы постоянной армии с многолетним сроком службы, сопряжено с такими финансовыми жертвами для народа, от которых сами правительства с ужасом отшатнутся. Поэтому при новом увеличении армии в 1893 году пришлось примириться с двухлетним сроком службы в пехоте, ибо, помимо того, что этот срок более, чем достаточен для военного образования частей, при трехлетнем сроке перерасход был бы еще большим. То же обстоятельство уже вынудило как Францию, так и Россию значительную часть запасных освобождать после 6—9 месяцев обучения, в твердой уверенности, что, будучи призванными, они сумеют исполнить свой долг.

IV.

УПРАЗДНЕНИЕ ПОСТОЯННЫХ АРМИЙ.

После выше приведенных фактов ни один здравомыслящий человек не станет оспаривать, что военные вооружения Европы приняли тот характер, который длительно не может существовать, и более не в состоянии выдержать значительные усиления.

«Нет того генерала, который когда-либо оперировал с такими массами, какие будут выставлены в будущую войну», заявил граф фон-Каприви в 1890 году. Но дело не за одним вопросом, как из одного пункта руководить подобными массами, но также и за тем, как разместить чудовищный обоз такой армии и содержать его людей и лошадей. При скорострельности современных орудий огромный расход боевого материала потребует больших артиллерийских складов. Питание и размещение людей и лошадей требует питательных пунктов и массовых заготовок провианта и фуража, превосходящих все до сих пор виденное. Самая плодородная страна, едва в нее попадут эти тучи голодной военной саранчи, в несколько дней будет выедена до-чиста.

Если же произойдет сражение между двумя, наилучшим образом вооруженными громадами, то дело дойдет до такого массового взаимного избиения, что придется вместе с графом Гезелером спросить: кто же будет хоронить убитых [1]). Также возникает вопрос: где разместить и как лечить многочисленных раненых, которые окажутся с

[1]) Этот вопрос приписывается графу Гезелеру, командующему Эльзас-Лотарингским армейским корпусом, когда на маневрах осенью 1897 года в окрестностях Франкфурта, сражающиеся с большим «воодушевлением перешли в наступление».

обоих сторон? Орудие войны, армия, с 1870 года приобрела такой характер, который ставит полному ее применению во время войны едва ли преодолимые препятствия.

Но тут на первый план выступают еще и другие факторы. Содержание и пополнение этой чудовищной массы армий требует и огромных денежных жертв. Среди руководящих лиц не может быть поэтому поводу никакого сомнения в том, что 120 миллионов марок золотом, оставшихся от французских миллиардов и хранящихся в Юлиусовой башне в Шпандау [1]), покроют военные расходы лишь в первые дни войны. Нужны военные займы не слыханных до сей поры размеров. Как удастся их произвести еще неизвестно. Когда в 1870 г. разразилась война с Францией, и северо-германский союз подписал военный заем в 100 миллионов талеров из пяти процентов и при котором он за 80 талеров, взятых взаймы, выдавал обязательство на 100 — предлагая даже по нынешним понятиям чисто-ростовщический процент, — то немецкие капиталистические круги оставили правительство ни с чем. Заем не разошелся полностью. Лишь когда победы при Вейсенбурге и Верте и т. д. послужили гарантией, что деньги не пропадут, — появился и необходимый на «всякие жертвы готовый патриотизм». То, что господствующие классы Германии и поныне жмутся перед оплатой прямых налогов по армии и флоту, за которые они всегда столь охотно голосуют и казалось-бы, должны были-бы хотя бы частью покрывать, не подает никакой надежды, что их готовность жертвовать из любви к отечеству в следующую войну соответственно возрастет.

А в будущую войну победа не достанется Германии так легко, как в войну минувшую, в которую ей, несмотря на неожиданность и неподготовленность, все же было далеко не так легко, как это принято изображать в нашей прессе и в школьных учебниках. Более или менее удачное окружение врага, как это было в 1866 и 1870 годах, в будущем исключается. Численность и степень вооруженности частей, как и другие, принимаемые во время военных действий соображения как там, так и тут почти одинаковы. Так что будущая война будет скорее жесточайшей борьбой, в которой сегодня один, а завтра другой будет то побеждать, то терпеть неудачи. Взаимное душение, кровопускание. Придется отдать все, до последней капли крови, истечь ею, — saigner à blanc, — как однажды выразился князь Бисмарк. В такой борьбе полное обоюдное истощение неминуемо. Настоящего победителя нет, как не может быть и побежденного. А вместе с этим не может быть и надежды на завоевание миллиардов, которыми можно было бы покрыть свои военные издержки и оплатить все материальные убытки. В конце концов, каждая сторона сама должна будет заплатить свои чудовищные долги

---

[1]) Шпандау крепость — цитадель под Берлином, соответствующая Петроградской Петропавловской крепости.

или проценты по ним, из собственных средств содержать сирот и инвалидов, если можно предположить, что на это что-нибудь останется.

Такова, без всякого преувеличения, вероятная картина, которую будущая европейская война явит народам.

Но картина эта показывает лишь одну сторону медали, — другая изобразит положение населения во время титанической борьбы.

По об'явлении войны, в Германии, также во Франции и в России, — а сообразно с обстоятельствами и в других странах, — будут призваны поголовно все мужчины, способные носить оружие. Для Германии это составит около четырех миллионов человек. Большая часть их — семейные, значительная доля — собственники дела, в котором мужчина является главой. День, когда он оставит свое дело, будет во многих случаях днем его разорения. В силу этого — заботы, нужда и нищета водворятся среди бесчисленного множества семей. Поддержать их необходимо, но откуда взять средства? Война нарушает торговлю, правильные сообщения, прекращается вывоз, без которого при современном хозяйственном положении Германия не может жить. Полная безработица будет непременным следствием этого. Ценность акций, общественных и частных займов падет, оплата процентов и дивидендов в большей или меньшей степени сократится и причинит ущерб тем слоям населения, которые при иных условиях еще смогли бы оказывать некоторую помощь.

Прекратится также и ввоз, главное, предметов питания, без которого Германия также не может существовать, или, по крайней мере, будет поставлена в исключительно тяжелое положение. Следствием будет огромное повышение цен на жизненные припасы и всеобщая нужда. Всякий легко дополнит себе эту картину дальнейшими подробностями.

Бичом буржуазного строя является то, что постоянное усовершенствование и рост производительности вызывает перепроизводство, следствием чего являются крупные экономические кризисы, а за ними многочисленные разорения и размножение бедноты. Но его собственным бичом и причиною будущей его гибели является то, что при беспрепятственном развитии он дойдет, наконец, до такой точки, что и земной шар ему будет тесен, так как ему некуда будет девать свои товары.

Совершенно то же самое происходит и с военным вооружением, на суше и на море. Они, как уже указывалось, имеют целью доставить предпринимателям-капиталистам сначала внутренний сбыт, а затем упрочить завоевание мирового рынка. Но как экономическое, так и военное соревнование далеко переходят всякую меру, превращая во зло то, что должно было бы быть на благо. И буржуазный общественный строй неминуемо погибнет либо от экономической, либо от военной катастрофы, или от обеих вместе. И когда она произойдет, то весьма скоро приведет экономически и политически эксплоатируемые классы, т. е. громадное большинство, к сознанию, что так дальше

идти нельзя. Только полное, до основания, преобразование всего нашего строя принесет единственно возможное, но и действительное спасение.

А пока не пришло еще время, когда ложными путями направляемые и постоянным ростом военного вооружения ограбляемые народы придут к сознанию, что нужно сделать то, что единственно может спасти положение, — необходимо приступить к военным реформам, предоставив военной организации лишь настоящую цель ее существования, защиту родной земли от внешнего нападения и прекратить войны наступательные. Также необходимо сократить до минимума расходы, производимые обществом по военному вооружению, чтобы облегчить повинности каждого отдельного плательщика. Едва ли может возникнуть серьезное разногласие в том, что непрерывно возрастающие военные налоги, в конце концов, станут невыполнимыми, а использование собранных колоссальных сумм на нужды армии и флота заставляют постыдным образом пренебрегать самыми культурными задачами только потому, что для них не оказывается средств. Почти во всех государствах расходы на цели культурные взваливаются на общины, зачастую могущие дать лишь очень немного, вместо того, чтобы самому государству принять на себя налоги по расходам на образование, здравоохранение, по призрению бедных и т. п. Расходы по водным сооружениям, канализации в значительной доле сваливаются на заинтересованные прилежащие районы, округа и общинные союзы, вместо того, чтобы государство по мысли: «все за одного и один за всех», восполняло бы их из общественных средств. То же, что делается по водным сооружениям и канализации, производится по большей части далеко не совершенно и не достаточно Так, для примера, за последнее столетие Силезия подвергалась то там, то тут неоднократным наводнениям, подобное же явление в большей или меньшей степени происходило и в других местностях страны — достаточно вспомнить катастрофу летом 1897 года,—но, чтобы было что-либо сделано в предупреждение возможности событий подобного рода в будущем, ждут совершенно напрасно. В это надо было вложить не десятки миллионов, а, если нужно, то и сотни, чтобы обеспечить быструю и основательную помощь.

Если государство не считает первейшим своим долгом защиту каждого своего гражданина от всяческого вреда и ущерба, если он сам не в состоянии себя от них оградить, то оно ничего не стоит и даже вредно. А вместе с тем, мы видим, что за формирование нескольких новых полков или постройку стольких же новых судов правительства принимаются с несравненно большим рвением, чем за защиту доброй половины населения какого-нибудь округа, а то и целой области против повторяющихся стихийных бедствий, от чего зависит экономическое благосостояние множества людей, повергаемые тем самым в горе и нищету.

В Германии посейчас насчитывается до пятисот квадратных миль пустырей, болот и суходола, ожидающих культуры, частным средствам недоступной. Если за них примется государство, то тем самым будет обеспечено благосостояние тысячам семей,—но что до этого государству? Канализация, орошение, осушение,— в широком масштабе,— дали бы дело тысячам рабочих рук. Внутренние пути сообщения, отечественное земледелие извлекли бы из этого огромные доходы; между тем не делается даже самое необходимое. Величайшее из благ, как для отдельного лица, так и для целого общества—здоровье. Многочисленные болезни, большая смертность являются тяжким несчастьем не для одного человека, но решительно для всех; они ослабляют силы, уменьшают платежеспособность, увеличивают налоги беднейших. Поэтому постройка и содержание множества больниц на громадное число больных, открытие санаторий для выздоравливающих неимущего класса,—все это должно было бы быть предметом первейшей заботы. То, что в этом направлении делается в действительности, недостаточно во всех отношениях. Хозяйственная продуктивность населения была бы значительно поднята основанием школ, высших ремесленных и сельско-хозяйственных институтов с бесплатным преподаванием для способнейших учеников всех сословий, открытием и содержанием ремесленных мастерских, образцовых школ, ремесленных и сельско-хозяйственных музеев, общественных библиотек и читален, поднятием физического развития нашего юношества при помощи соответственного преподавания (гимнастика, плавание, площадки для спорта, игр, спорт на льду и пр., и пр.).

Для всех этих и им подобных культурных целей и на необходимые для них постройки и педагогический персонал, ежегодно могли бы быть использованы миллионы, не принося ущерба ни одному из ныне существующих государственных или общественных учреждений, а это, ведь, для нашего правящего класса вопрос первейшей важности, но... средств на это нет, потому что их поглощают армия и флот. Тут, поэтому, надо дело изменить в корне. Раз навсегда надо потребовать от всех государств, чтобы международные споры были разрешаемы таким же способом, каким разногласия отдельных лиц у всех культурных народов, решением беспристрастных судей. Ведь, в спорах незначительной важности это уже принято. Затем упразднить постоянные армии. Их место займет вооруженный народ или народная милиция, единственной целью существования которой будет защита отечественной земли от вражеского нападения. Сообразно этой цели и будет вестись ее формирование и обучение. Крайняя простота, всяческая бережливость. Вооруженные граждане, которые сами собою управляют и преисполнены решимости, уважая права каждого народа, вместе с тем вправе требовать такого же уважения к себе.

Необходимо положить конец тому, что народы Европы, вооруженные до зубов, стоят друг против друга, словно разбойники, из которых один выжидает проявления слабости другого, чтобы иметь воз-

можность на него напасть и ограбить. Прямо сумасшествие, что ежегодно миллионы мужчин, во цвете лет, в годы наибольшей духовной производительности или на пути достижения ее на поприщах науки, искусств, — запертые в казармы или загнанные на военные плацы, подвергаются убивающей дух муштровке, вместо того, чтобы, вкладывая свой труд в работу культуры и цивилизации, способствовать преобразованию общественных и государственных учреждений своего отечества.

«Народы Европы, берегите ваши священнейшие блага», т. е. поймите, наконец, что ваши интересы вовсе не те, которые вам внушаются правящими вами классами, что высшее благо не в том, чтобы быть солдатом, а в том, чтобы стать человеком.

V.

МИЛИЦИЯ.

Военные специалисты—самые ярые противники народного вооружения. Это вполне естественно. Они считают милиционную систему профанацией военного дела. Сильные монархии Европы издавна опираются на регулярную армию, являющуюся их оплотом не только в борьбе против внешних врагов, но и внутренних, которые, по мере исторического развития государств, конечно, были не одни и те же. Кроме того, места начальников в регулярных войсках являлись синекурами для дворянских сынков, в которых те нуждались тем более, чем беднее они были сами, то по расточительности, то вследствие дробления наследственных владений, то из-за неудачного ведения хозяйства или просто по личной неспособности. Монархия без аристократии немыслима. Во что бы то ни стало нужно было теснее связать монархию с аристократией, предоставив этой последней управление и командование армией, наделенной большим внешним блеском.

Пока городскому сословию из-за правовых преимуществ приходилось бороться с монархией и аристократией, оно было решительным противником регулярной армии. Оно всячески старалось тормозить ее развитие и тоже вооружалось. Отсюда—гражданская оборона, национальная гвардия городов. По мере роста значения городского сословия и усиления преобладания его в городском самоуправлении, оно потеряло интерес к самостоятельному вооружению, которое постепенно перешло в своего рода забаву. Превращение значительной части городского сословия—вследствие экономического развития класса предпринимателей и капиталистов,—в буржуазию, образование больших национальных государств (за последнее время—Германия и Италия), обусловливавшее его экономическое стремление к внешнему рынку, поддержанное могуществом армии и флота—все это превратило его из врага постоянной армии в ее сторонника. К этому надо

прибавить, что для значительно увеличившихся армии и флота на должности офицеров и командиров уже не хватило дворянских отпрысков. Места эти приходилось пополнять сыновьями буржуазии. Здравый смысл побуждал монархию содействовать этому тем более, что отцы их способствовали упрочению государственной власти. Таким путем интересы буржуазии тесно срослись с существованием большой постоянной армии. И если раньше князья и аристократы пользовались армией в борьбе против буржуазии, то ныне аристократия городов, буржуазия, использовывает ее,—правда, при иных факторах влияния,—против другого класса, рабочих, интересы которых расходятся с интересами буржуазии и правящих классов.

Неприятно только то, что власть имущие уже не располагают, как раньше, податливой массой, за деньги предоставляющей себя на расстрел. К тому же приходится набирать солдат из враждебной среды, и солдаты с каждым днем это все более сознают. На деле нынешняя постоянная армия, которая при настоящем ее об'еме без всеобщей воинской повинности немыслима, фактически является армией народной. Пока только в смысле пополнения, а не по внутреннему своему содержанию и не в том смысле, что она привлекает весь боеспособный мужской элемент страны.

М е ж д у т е м з а щ и т а о т е ч е с т в а о т н а п а д е н и я и з в н е д о л ж н а б ы т ь о б я з а т е л ь н а д л я в с е х р е ш и т е л ь н о, к т о т о л ь к о в с о с т о я н и и в л а д е т ь о р у ж и е м. Однако, при двух-трехлетнем сроке службы уже по одним финансовым соображениям оно не осуществимо.

Далее, срок обучения, являющийся своего рода тяготой, как для отдельного лица, так и для целого общества, не должен быть большим, чем это необходимо для подготовки к исполнению прямой обязанности каждого по военному времени.

Защитником отечества не может быть солдат парадов, он должен быть воином. Все, что вне этого, должно быть исключено из сферы его обучения. Все, тормозящее или обременяющее это его обучение, подлежит уничтожению. Точно также должны быть упразднены все служебные обязанности не строго военного характера, сокращающие или замедляющие, а в серьезных случаях даже парализующие многочисленные силы (почетный караул, денщики, писаря, мастера). К этому же надо отнести все занятия и учения, связанные с муштровкой солдата показных парадов и учений. Также и караульная служба в гарнизонах должна быть ограничена пределами караула при интендантских складах и на укреплениях.

Сокращение полковых и батальонных оркестров, требующих больших средств и составляющих негласную конкуренцию частным музыкантам, было бы тем более легко, что на театре войны, при современных способах ее ведения, они совершенно бесцельны, а между тем, они отнимают у армии значительное число активных борцов.

А. Бебель.

Далее, одним из главнейших требований будет упрощение обмундирования и устранение кричащих цветов, блестящих металлических частей, касок, лакированной кожи, блестящих шнуров, кушаков, сабельных ножен, меховых шапок, чепраков и пр., и пр.

Если заменить нынешние формы, напр., простой благообразной одеждой лесничих и егерей, или чем-нибудь в этом роде, то она оказалась бы не только подходящей одеждой для военных целей, но и стоила бы несравненно дешевле, легче была бы содержима в чистоте, сохраняя массу времени и денег, избавляя от неприятностей и связанных с этим наказаний со стороны начальства. Да и этому последнему тем самым была бы облегчена служба. Все вещи из кожи могли бы сохранять натуральный цвет или употребляться дублеными в темные тона.

При современной стрельбе кавалерия, значение которой для современных действий сильно пало, должна быть сокращена до крайних пределов, что также знаменует миллионы экономии. Также и ее обмундирование, подобно пехоте, подлежит преобразованию, что уменьшит расход дальнейших миллионов и поднимет значение частей. Стоит взглянуть на изображение северо-американских кавалеристов времени освободительных войн [1]), какая простота и, вместе с тем, какой бравый вид! И какие блестящие подвиги они свершали, стоит почитать книгу прусского генерала И. Шрейберта—«Гражданская война в Соединенных Штатах».

Неоспоримо, что в конце концов армия окажется вынужденной каким бы то ни было способом упразднить блестящие части обмундирования и вооружения, а также все кричащие цвета, потому что, при меткости современных ружий, с введением бездымного пороха, они даже на больших расстояниях, являются предательской целью. Подтверждение этому мы находим в статье одной из южно-германских демократических газет по поводу бывших осенью 1893 года маневров.

«Стрельба бездымным порохом шла по всем направлениям. Жуткое чувство... То-там, то тут слышался треск и шорох. Даже при вспышках орудий нельзя было отыскать стреляющую часть, пока она держалась в прикрытии. Вдруг вспышка... блеск... Неприятель обнаружен. Даже на громадном расстоянии блеск металлических частей обмундирования нашей армии выдавал место расположения неприятеля. Даже в хороший полевой бинокль враг был невидим, его нельзя было отличить от фигур штатских, валунов пустыря и т п., а крохотный луч света мгновенно положил предел всяким сомнениям. Весь этот блеск, сверкание касок, сабельных ножен и пр., и пр. всегда был предательским. Это не может не приходить в голову всякому внимательному наблюдателю. В грозящей с этой стороны опасности, казалось бы, могли бы быть убеждены. А то, что является непосредственной опасностью для наших частей, должно было бы быть немедленно удаляемо. Между тем, в виде успокоения, говорят: в случае войны, все блестящее в обмундировании будет зачернено. Хорошее заня-

---

[1]) Война за независимость С.-А. С. Шт. 1861—65 г.г.

тие, когда с об'явлением войны, в первые, решающие дни ее, накануне выступления, все солдаты поголовно будут заняты чернением шишака, каски, значков, чешуйчатых перевязей, пуговиц, пряжек, сабельных ножен и пр., и пр. Хорошая форма для похода, когда все—в использовании первого момента! И долго ли это чернение продержится и скроет блеск металла?».

К этому описанию мы прибавим: «не является ли беспримерной расточительностью и пренебрежением служебного долга сохранение аммуниции на деле не отвечающей цели, для которой особенно только и существует армия?

Но грешат как в этом, так и во многом другом.

В настоящее время военное обучение поставлено так, что большую часть времени проводят не на стрельбище и не в поле, а на казарменном дворе и на учебном плацу. Масса времени уходит на показную сторону, на никому не нужные мелочи и, таким образом, создается как для начальников, так и для солдат угнетающее занятие.

Что это в германской армии чувствуется, хотя и делают вид, что все обстоит благополучно, доказывает критика ряда организаций нашей армии в появившемся в 1890 году издании: «Да будут консулы на страже» («Videant consules»). Весьма осведомленный автор, между прочим, решительно восстает против сохранения гвардейских частей. Далее он резко критикует постановку дела в военной академии, слепую веру в авторитет высших начальников, поклонение личности, метод производства боевых учений и далее, на стр. 16, говорит:

«Трудятся и муштруют колоссально, но зачастую самым бессмысленным, даже вредным образом. Работа эта, в пехоте особенно, вовсе не соответствует опыту последней войны и современному успеху ружейной техники.

Далее, на стр. 18 говорится: «То, что в мирное время сотня обучаемых парней более или менее хорошо усвоит церемониальный шаг, не имеет ровно никакого значения для той же части, по военному времени доведенной до 280 человек, во время боя. Также в обстановке боя положительно безразлично, производится ли захождение в строю по отделению более или менее «чисто» или нет...»

Бравая выправка, лихое прохождение на параде у нас теперь главное. А обучение всему этому требует массу времени. Историческое развитие нашего военного дела в организации на случай парадов и церемониалов для правящих кругов, длительность мирных периодов, после которых войны весьма рѣдки,—что, конечно, большое счастье,—далее многочисленность военных-профессионалов, служба которых, за отсутствием серьезного дела, сводится к внешности и особенно стремлению создать искусственную пропасть между армией и народом и вызвать этим известные трения,—все это сделало армию такою, какова она есть.

Большим анахронизмом является еще следующее. Личному составу армии, созданной на основании всеобщей воинской повинности, после двух—трех лет службы возвращающемуся к частной жизни (радуясь, что солдатчина за спиной), внушается, что носить форму, оплачиваемую к тому же налогами с населения,—является особой честью и что вообще армия есть нечто несравненно высшее, чем все гражданское.

Далее, в интересах государства следует путем основательного преобразования народных школ, добиться того, чтобы во время прохождения военной службы солдату не приходилось бы еще заниматься элементарным образованием. Полное невежество большинства наших новобранцев является положительным издевательством над хваленою постановкой нашего школьного дела. В дальнейшем значительно облегчило бы военную подготовку, если бы было принимаемо во внимание, чтобы каждый при своем поступлении в армию был бы определяем в ту часть, к которой он всего ближе подходит по своим знаниям или профессии.

Будущая война даст отрицательный ответ на затронутый уже нами вопрос о том, что польза, ныне приносимая кавалерией, вовсе не отвечает дороговизне ее содержания. То, что германская кавалерия, кроме сабли и кавалерийского ружья (карабина), вооружена еще совершенно ненужными пиками, в деле только усугубит ее слабые стороны. В случае опасности нападения пехоты, когда кавалерия вообще несет большие потери, пики только усилят расстройство в ее рядах. Введение их в употребление увеличило мучения, как всадника, так и копя. Правда, пики с их цветными флажками являются очень красивой принадлежностью парадов, процессий, но в деле серьезном они приносят больше вреда, чем пользы. Что подразделение кавалерии на кирасир, уланов, гусар, драгун совершенно излишне,—очевидно. То же самое наблюдается и в пехоте с ее подразделениями на мушкетеров и фузилеров. И тут крайнее упрощение во всем дало бы много выгод и облегчений.

Несомненно, что можно было-бы ввести целый ряд упрощений и в вооружении, что имеет решающее значение в смысле подвижности солдата и его самочувствии вообще. Каска, как и многие другие головные уборы нашей армии, непрактична и обременительна. Дело поставлено так, как будто надо доказать, что может сделать человек, даже при самой несоответствующей аммуниции. В особенности это относится к тесному, связывающему всякие свободные движения, мундиру с его высоким удушающим воротником. Обувь поставляется в таком виде, что длительное марширование в ней является особым фокусом. Нельзя не обратить внимания и на необходимость замены непрактичного ранца спинным мешком из водонепроницаемой ткани. Ни одному туристу не придет в голову носить свои пожитки в ранце, для этого он употребляет более удобный мешок. Только солдат пользуется сомнительными преимуществами в выборе одежды, головного убора, обуви, спо-

собов переноски багажа, самого жизненного уклада, являющихся издевательством над элементарнейшими понятиями гигиены и комфорта.

Едва-ли кто станет оспаривать, что если все вышеуказанные преобразования были бы основательно выполнены, то тем самым значительно облегчилось бы прохождение солдатской службы. Ежегодно были бы сохранены десятки миллионов марок, боеспособность армии не только не пострадала бы, а скорее только повысилась бы.

И какое облегчение начальникам! Сколько раздражения, поводов к наказаниям само собою отпало бы! Сразу был бы положен конец дурному обращению, на которое так жалуются.

Ибо причина дурного обращения кроется в следующем. Начальники пред'являют к командам такие требования, которые они вследствие недостаточной научной и физической подготовки в указываемое время едва-ли могут выполнить. Попутно в военной среде издавна укрепилась вера, что без крепкого словца не обойтись и широко распространено презрение к «парням». Систематически поддерживаемое мнение, что солдат является чем то лучшим, высшим, судя по обращению с ним, вовсе не оправдывается.

Все эти преобразования должны простираться далеко за пределы военных организаций. Военная подготовка должна распространяться на всю мужскую молодежь, с самого раннего возраста подготовляя из нее защитников родины.

Таким образом, дело сводится к организации физического воспитания с юных лет и непременно в связи с военными целями.

Именно это-то военное воспитание юношества и дает возможность в несравненно более короткое, чем ныне, время подготовить народную армию. Тем самым достигается двоякая цель. Во-первых, устраняется односторонний характер воспитания—вследствие пренебрежения телесного развития в школах,—особенно жестоко мстящий детям больших городов и промышленных центров. Во-вторых, будет воспитано поколение, не только в военном, но и в физическом отношении, более приспособленное к борьбе за существование. А несомненно, что таким образом воспитанный народ,—если и женская половина его получит такое же физическое развитие, которое ей не менее нужно, чем мужчинам,—выступая на экономическо-промышленном и международном поприщах сможет иметь большие виды на успех.

Таким образом, систематически проведенным физическим воспитанием можно, как говорится, одним ударом подстрелить двух зайцев. Стоит, чтобы над этим потрудились лучшие люди.

Необходимо поэтому, чтобы во всех районах, в связи с преподаванием в школах были бы оборудованы учебно-гимнастические площадки, а для непогоды—крытые помещения. Преподавание должно заключаться в отвечающих цели упражнениях по гимнастике, строю

и маршировке. В связи с этим должно происходить обучение плаванию, спорту на льду и пр.

Методы и срок обучения вырабатываются педагогическими советами школы, совместно с военным управлением и утверждаются соответствующими законоположениями. К занятиям приступают с исполнением 10 лет впредь до окончания школы. С 11—12 лет могут начинаться занятия с моделями оружия, в связи с разведочными экскурсиями и примерными полевыми учениями. Несомненно, молодежь горячо примется за них. В учителя, наряду с учителями гимнастики-специалистами, годятся выслужившиеся унтер-офицеры, которые, таким образом, получили бы применение своих знаний.

Что и отдельные наши военные авторитеты считают необходимым провести в жизнь эти соображения, свидетельствуют взгляды барона фон-дер-Гольца в его книге: «Леон Гамбета и его армии», в которой он указывает на опыт, вынесенный Германией, когда после Седана, с падением Наполеона, все же желанный мир не был заключен, а, напротив, Гамбетта и Фрейсине, став во главе национальной обороны, всему военному миру на удивление, что называется, из-под земли, вызвали новые армии которые еще долгие месяцы тянули войну. Барон фон-дер-Гольц в своей, уже в 1877 году вышедшей книге пришел к убеждению, что Германия вынуждена признать необходимость всеобщего вооружения, но, что оно невозможно иначе, как с сокращением срока службы, что предполагает военную подготовку молодежи. Дословно на стр. 294 книги он говорит:

«Во-вторых, необходима основательная военная подготовка подрастающего поколения до службы в строю. Для общего развития народная школа сделала бы несравненно больше, если бы не ограничивалась одним научным образованием, а занялась бы и воспитанием характера... [1]). Тут было бы уместно военное воспитание молодежи с помощью вовсе не неблагодарной, как это обыкновенно думают, игры в солдатики. Дисциплинирование молодежи—достойная цель. По смыслу нашего законодательства, каждый из нас должен быть солдатом, поэтому надлежит с юношеских лет подготовиться к этому.

Мысль использовать для воспитания юного поколения унтер-офицерский класс армии, тем самым подняв его, конечно, заслуживает внимания. Тут для них открылось бы совершенно новое обширнейшее поле деятельности. В высших учебных заведениях нашли бы применения своих знаний нестроевые офицеры, знания которых иначе зарываются в землю».

---

[1]) Как известно с «научной подготовкой» в народной школе дело обстоит весьма печально. Подготовка заключается в том, что большая часть новобранцев с грехом пополам могут подписать свою фамилию. Значительная часть правящего класса даже того мнения, что для масс знания, превышающие самое элементарное развитие, даже вредно. «Чем глупее рабочий, тем он лучше работает», заметил один крупный помещик Восточной Пруссии осенью 1797 года.

Так говорит полковник прусской службы на основании своего военного и боевого опыта.

Конечно, мысли эти не новы. Это скорее возрождение старых идей той эпохи, когда Пруссия была сражена могуществом Наполеона и такие люди, как Шарнгорст, Гнейзенау и др., трудились над ее национальным возрождением.

В 1808 году, по заключении мира в Тильзите, Фридрихом-Вильгельмом III была назначена военно-организационная комиссия, возглавляемая Шарнгорстом, Гнейзену и Бойэном. В своем докладе она высказалась так:

«Необходимо в школах возможно больше внимания уделить математике, науке, необходимой не только для артеллеристов и инженеров, но и могущей оказать выгодное влияние и на общее развитие мышления вообще.

Затем далее, в каждой школе должна быть введена строгая военная дисциплина. В высших классах задачею преподавания должно быть раз'яснение смысла военных законов.

В каждой школе должен быть инструктор-специалист, под наблюдением которого ученики, в свободные от занятий часы, будут упражняться в пользовании оружием. Школы должны быть формируемы в роты, выбирающие из своей среды офицеров для изучения под их руководством всего того, что на деле от них потребуют высшие военные соображения. Телесные упражнения (фехтование, плавание, вольтижировка) закалят юные тела на предстоящие им тяготы войны».

Барон фон-Штейн вполне соглашается с этими предложениями [1]).

Однако, ясно, что ограничиваться в школах только военным воспитанием мальчиков нельзя. В возрасте с 14 по 20 лет, когда юноша приступает к специализации, напр., на фабриках или к работам земледельческим, он не только способен совершенно забыть все пройденное в школе, но вследствие тяжелого рода занятий, становится грубым, неповоротливым. Поневоле, после 20-летнего возраста, все раньше пройденное приходится восстанавливать снова и с большим трудом. Поэтому военное воспитание молодежи должно быть продлено занятиями по воскресным и праздничным дням и в свободные послеобеденные часы. Это вызывает необходимость упорядочения рабочего времени, сокращения рабочих часов и притом,—законодательным порядком. Если Англия нашла возможным отдать своим рабочим вечер воскресенья, когда все английские парки и спортивные площадки полны юношей, занимающихся телесными упражнениями, то Германия вполне может последовать ее примеру. Покойный Рюстов, бывший прусский офицер, занимавший пост командующего бригадой швейцарской армии, в своем

---

[1]) Шарнгост признавал артиллерию и пехоту главными родами ружия.

труде «Прусский военный бюджет 1862 года», вполне подтверждает необходимость использования двух вечеров в неделю на упражнения юношей до 20-летнего возраста по гимнастике или строю. Также и фон-Беуст, тоже бывший прусский офицер, тоже живущий в Цюрихе, в своей статье от 1867 г. «Основы организации народной армии», полагает центр тяжести в военном воспитании юношества, особенно в преподавании гимнастики.

Само собой разумеется, что расходы по такому военному воспитанию молодежи не могут возлагаться на общество. Тут должно взяться за дело само государство. И оно тем легче сможет это сделать, что содержание народной армии,—за исключением необходимого инструкторского персонала, в общем требует лишь нескольких месяцев,—кроме специальных родов оружия артиллерии и кавалерии, где срок несколько дольше,—и обходится значительно дешевле, чем содержание войска постоянного.

VI.

СТОИМОСТЬ МИЛИЦИИ И ПОСТОЯННОГО ВОЙСКА.

Чтобы сравнить стоимость милиции и войска постоянного, достаточно сравнить бюджеты этого последнего с военным бюджетом Швейцарии, которая является единственной страной, располагающей организованной системой народной обороны. Правда, и тут надо предпослать, что и швейцарская милиционная система далека от идеала. Прежде всего значительной части швейцарской молодежи недостает необходимой физической подготовки. По настоящее время еще не во все швейцарские школы введено преподавание гимнастики. В 1895—96 г.г. 158.581 учении., в возрасте 10—15 лет, обучались гимнастике.

В продолжение всего года.	64.473 = 42,3%
» » части »	75.064 = 47,7 »
Не обучалось вовсе	15.657 = 10,0 »

За то же время в 3.874 школах I ступени имелось:

Гимнастических площадок удовлетворительных.	2.802 = 72,8%
Гимнастических площадок не удовлетворительных	565 — 146 »
Гимнастических площадок не имелось вовсе	507 = 13,1 »

Располагали:

Всеми необходимыми принадлежностями гимнастики	1762 = 45,4%

Только частью принадлежностями гимнастики	1.321 = 34,1 »
Не имели вовсе принадлежностей гимнастики	791 = 20,5 »
Одним залом для гимнастики	699 = 18,0 »
Не имели помещения для гимнастики	3,874 = 82,0 »

Из общего числа 461 высших народных школ (из семи школ сведения не поступили), в 133 школах даже не значится предписанного минимума в 60 годовых учебных часов по гимнастике.

В общем преподавание гимнастики в швейцарских народных школах могло бы быть поставлено лучше, чем в германских, так как народное образование в целом в Швейцарии значительно выше, чем в Германии, особенно в Пруссии. В ближайшем будущем, однако, вся швейцарская молодежь школьного возраста, с 10 до 15 лет (год, в который положено оканчивать школу), будет уже пользоваться положенным минимумом преподавания гимнастики. За 1895/96 год определенным законом 60 часовым минимумом уроков гимнастики пользовались 1.811 школ, или 33,2 проц. Не достигали его 3.638 школ или 66,8 проц. Между тем, и этот минимум далеко недостаточен, так как совершенно отсутствует обязательнее всеобщее военное обучение молодежи, производящееся частично на добровольных началах. Отсутствуют и обязательные физические упражнения для молодых людей с 15 до 20-летнего возраста.

Военная служба начинается с 20 лет и продолжается до полных 44 лет. *Армию* действительной службы образуют первые 12 призывных лет. *Запас* составляют 12 последних призывных лет, а именно *запас первого призыва* с 33 до 39 лет и *запас второго призыва* с 40 до 44 лет.

Наряду с этим имеется еще *ополчение*, пополняемое всеми военнообязанными швейцарскими гражданами с 17 до 50 лет включительно, кроме числящихся в действующей армии, обоих запасах или освобожденных от призыва вообще. *Ополчение* делится на *вооруженное или боевое ополчение и вспомогательные отряды*. Организация ополчения до самых мелких подробностей проведена постановлениями федеративного Совета от 5 декабря 1887 года.

В остальном швейцарская военная система в главных чертах заключается в следующем.

Управлением кантонов *унтер-офицеры и рядовые*, получившие аттестат офицерской школы, *производятся в лейтенанты*.

Повышение *из лейтенантов в старшие лейтенанты* производится по мере надобности, в зависимости от срока службы. *Из старших лейтенантов—в капитаны и из капитанов в майоры*, на основании аттестата службы, *исклю-*

чительно в зависимости от способностей, совершенно не считаясь со сроком службы.

Это в сущности единственно правильная система производства и ни один швейцарский офицер не чувствует себя оскорбленным, если при повышении в чине предпочтение отдано менее его прослужившему. Ему даже в голову не придет подать в отставку, как это в подобном случае принято в Германии.

В швейцарской армии все повышения без исключений производятся только на законных основаниях, чем, поскольку это возможно, исключается лицеприятие.

В швейцарской армии не носят знаков отличия (орденов), не приняты и почетные звания, выдаваемые иностранными правительствами. Принятие их воспрещено в равной мере офицерам, унтер-офицерам и солдатам. Воспрещено также ношение в частной жизни военной формы и внешних знаков чинов.

Напротив, присвоенное каждому оружие, по правилам, сохраняется владельцем в течение прохождения им всей службы в милиции, т.-е. и во время пребывания его в запасе и ополчении. Предметы аммуниции выдаются федеративным правительством или управлением кантона военнообязанному на частные квартиры под расписку, но вместе с тем они остаются собственностью государства и не могут быть ни продаваемы, ни закладываемы. Закон определенно говорит в каких именно случаях могут быть отбираемы оружие и обмундирование, а в кавалерии и лошадь. Кантоны, неся расходы, пользуются значительными субсидиями со стороны федеративного правительства. В немецких кантонах дело поставлено несколько хуже.

В то время, как офицерские оклады более чем скромны, жалованье команд, по сравнению с другими европейскими армиями вообще, а германской особенно, — очень высоко. Швейцарский солдат, по сравнению с солдатами всего континента, получает самое большое жалованье и самый лучший паек.

В день новобранец, считая на немецкие деньги, получает 40 пфеннигов, рядовой 60 пф., обозный и драгун 80 пф., ефрейтор 96 пф., унтер-офицер от 80 пф. до 1 марки 32 пф. и т. д.

Ежедневное питание состоит из следующего: к завтраку—кофе с молоком или шоколад, к обеду—суп, мясо и овощи, на ужин—питательный суп (из круп). Дневной паек мирного времени составляет: 1½ фунта хлеба и ¾ ф. мяса. При повышенном напряжении сил дается прибавка ввиде сыра и вина. При платном пайке вычитают по 80 пф. в день.

Обмундирование вовсе не соответствует духу народной армии и является жалким подражанием формам армий регулярных.

В офицерской среде развито франтовство, хорошо нам в Германии знакомое. Ранее приведенные указания упрощения одежды были бы полезны и для Швейцарии. Оно дало бы значительные сбережения и более отвечало бы цели, нежели ныне существующее обмундирование. Самою непрактичною и тяжелою формою надо считать аммуницию швейцарского кавалериста.

Обучение новобранцев длится в пехоте 47 дней, в инженерных войсках 52 дня, в других родах оружия: в артиллерии 57 дней, в кавалерии,—82 дня. Интендантские, санитарные и обозные части обучаются от 40 до 48 дней. Для пехоты и всех родов оружия, кроме кавалерии, каждые два года назначается десятидневный повторительный курс. Кавалерия практикуется ежегодно, но только первые 10 лет, а затем кавалеристы подлежат зачислению в запас. В этом последнем каждые четыре года назначается повторительный курс, а именно: для пехоты—10 дней, для артиллерии и инженерных войск—11 дней. Унтер-офицеры получают образование в унтер-офицерских школах.

Центром тяжести всего обучения является обучение стрельбе. Большинство молодых людей уже до поступления в армию владеет оружием. Значительная часть военнообязанных позднее зачисляется в стрелковые союзы, организованные по всем даже самым отдаленным, глухим деревушкам,—организации всячески поддерживаемые властями и находящиеся под наблюдением, так наз., стрелковых комиссий. В силу всего этого Швейцария, как ни одно государство Европы, располагает наибольшим числом самых лучших стрелков в мире.

Оригинально положение что каждый увольняемый домой призывной получает на руки 30 боевых патронов и в случае неприятельского нападения может в любой момент в полной боевой готовности присоединиться к своей части.

Уже одна мысль, что подобное может быть введено и в Германии, приводит в ужас наших военных вождей.

На случай мобилизации Швейцария выставляет под ружье:

а) Действующей армией	145.000 чел.
б) Запасными	83.000 »
Итого. . .	228.000 чел.
Вооруженное ополчение, состоящее из обученных команд, насчитывает	56.000 чел.
Невооруженное ополчение	213.000 »

Швейцарская военная организация, перенесенная в германские условия, дала бы войско, численностью увеличенное в семнадцать с половиною раз, так что:

действующей армией	2.537.000 чел.
запасными	1.453.000 »
вооруженным ополчением.	952.000 »
невооруженным ополчением	3.727.000 »

Военный бюджет Швейцарии на 1897 г. достигал 23.186.000 франков. Переведенный на германские условия, т.-е. увеличенный в семнадцать с половиною раз, он составит 405.755.000 франков или 324.604.000 марок.

Между тем военный бюджет Германии по смете 1897—1898 г.г. был утвержден в следующих суммах:

По постоянным расходам	493.037.000 мар.
По единовременным расходам обыкновенной сметы	39.462.000 »
По единовременным расходам чрезвычайной сметы	58.474.000 »
Итого. .	590.973.000 мар.
К этому надо еще прибавить сумму пенсионного фонда регулярной армии . .	53.775.000 »
Итого. .	644.748.000 мар.

Я не считаю процентов по займам, десятками лет производившихся на нужды сухопутных войск, хотя в общей сумме процентов по займам круглым счетом в 75 миллионов они по смете составляли по крайней мере 60 миллионов.

В силу всего этого при армии швейцарского образца Германия израсходовала-бы в 1897—98 г., вместо 644,748,000 марок, только 324,604,000 марок, т.-е. на 320,144,000 марок меньше. Если же снять еще и расход по пенсионному фонду—хотя в Швейцарии почти не знают этого вида расходов,—то расходы Германии уменьшились-бы еще до 266,369,000 марок.

Правда, не надо забывать, что единовременные расходы сметы 1897/98 г. были значительно выше тех-же расходов в предшествующие годы. Но при своеобразном характере германской военной системы расходы эти непрерывно повторяются и вся организация клонится к постоянному их увеличению и в дальнейшем.

Допустим, что Германия для развития милиционной системы вводит также военную подготовку юношества. Придется также обучать гимнастике и военному строю приблизительно 2,350,000 мальчиков в возрасте 10-14 лет и 3,200,000 юношей с 15 до 20 лет. [1]).

Далее, считая, что первые средним числом ежегодно обучаются по 140 часов, а последние по 70 часов, что каждый преподаватель, при 24 часовых уроках в неделю и 44 учебных неделях в год, не сможет обучить более 50 учеников в час, — всего понадобится 12.000, точнее

[1]) Здесь не принято во внимание, что между мальчиками и юношами найдутся такие, которые по своему физическому и умственному развитию окажутся непригодными для обучения.

10.500 учителей гимнастики и фронта. Затем предположив, что по несколько малых учебных округов смогут иметь одного общего учителя; наконец, по мысли Шарнгорста и Гнейзенау школы, формируются как роты, избирают из своей среды руководителей по изучению фронта и гимнастики. Словом, если бы эти 12.000 учителей гимнастики и фронта были бы приняты на службу с годовым окладом в 1.800 мрк.—средний годовой оклад народных учителей значительно ниже,—то это вызовет расход в 21.600.000 мрк., производимый не за счет общества, а самим государством. Далее сюда же относятся приборы и мелкое оружие, постройка манежей, под которые общины безвозмездно отводят землю, тогда как постройку и оборудование государство принимает на себя. На все эти строительные и организационные расходы вполне был бы достаточен заем в 100 миллионов мрк., на проценты по которому, с быстрой амортизацией, потребуется ежегодно приблизительно 7 миллионов мрк., к коим необходимо прибавить 12 миллионов мрк. на расходы по содержанию и некоторые другие дополнительные траты. В круглых цифрах это составит на военно-гимнастическую подготовку молодежи 40.600.000 мрк.—сумма весьма внушительная, если принять во внимание, что в настоящее время все школьное образование всей Германской империи стоит приблизительно 190.000.000 мрк. в год.

Я иду дальше и считаю, что швейцарская армия располагает недостаточным составом инструкторов и у нея слишком незначительный генеральный штаб. С этой целью я для германской народной армии прибавляю еще 20 миллионов марок в год. Тогда стоимость милиционной организации Германии выразится в следующих расходах:

a. По масштабу Швейцарии	324.600.000 марок.
b. Больше на инструкторский персонал и т. п.	20.000.000 ,,
c. На военную подготовку молодежи	40.600.000 ,,
Итого	385.000.000 марок.

По сравнению с германским военным бюджетом на 1897—1898 г., который за вычетом пенсионного фонда мирного времени, круглым счетом выражается в 591 милл. мар.,—это даст в год 206 миллионов марок экономии и, сняв даже чрезвычайные расходы на 1897—1898 г., круглой суммой в 58½ миллионов, оно все-же даст 142 миллиона марок экономии. Если же провести в жизнь предложенное упрощение обмундирования и остальные представленные мною соображения, то тем самым можно было бы с'экономить еще много миллионов и осуществить связанное с этим облегчение службы командам.

Это подтверждается и подсчетом.

Какие выгоды даст Германии подобная организация милиционной системы?

1. Численность частей с военной подготовкой значительно превысит ныне существующую. **Всеобщее военное обучение будет проведено в жизнь.**

2. Вся мужская молодежь нации сможет развить свои силы и ловкость, при том в такой степени, какой не наблюдается ни в одной стране. Это благотворнейшим образом повлияет на экономическое развитие Германии, отзовется и на подрастающем поколении.

3. Краткосрочность военной службы значительно уменьшит убытки, неудобства для частных лиц, особенно в отношении специализации образования.

4. Лучшие условия питания, оплаты, сокращение срока военной службы сделают излишнимми материальную поддержку военнообязанных со стороны родителей и родственников, сократят поглощение сбережений. Ныне поглощаемые армией суммы субсидий достигают, по крайней мере, 20 миллионов марок в год.

5. Вместо постоянного повышения будет непременное сокращение пенсионного фонда, который, в конце концов, может быть сведен всего на несколько миллионов.

6. Дурное обращение прекратится. Исчезнут дезертирство, случаи самоубийства. Аресты станут редкостью. Военные тюрьмы опустеют.

7. Боевые качества солдата, несомненно, поднимутся. Служба будет выполняться охотнее. Она будет лучше обеспечена.

8. Пропаганда наступательной войны исключается, соответственно внешняя политика будет вестись с большею осмотрительностью.

9. Исключается возможность промахов в государственном управлении. Обеспечивается развитие демократического образа правления.

Наши военные профессионалы, понятно, являются самыми сильными противниками милиционной системы. Они не считают ее серьезной, а, в виду ее демократических тенденций, даже явно опасной. «Не трудно раздать оружие, да не легко его вернуть»,—заявил Рейхстагу генерал-фельдмаршал фон-Мольтке еще в мае 1874 года. И все же, даже военные специалисты не могут не воздавать должного швейцарской милиционной системе.

В начале марта 1895 года в Вене, офицер австрийской службы, капитан генерального штаба Эдлер фон-Маннсау сделал доклад о своих впечатлениях о маневрах швейцарских войск осенью 1894 года, свидетелем которых он был. Его мнение такое.

«Защищенное неприступными природными теснинами, опираясь на великолепное вооружение, владеть которым каждый швейцарец привык с детства (3.000 стрелковых организаций, около 160.000 членов),—федеративное правительство легко может обходиться без постоянного войска, тем более, что высокоразвитой швейцарский новобранец [1]) поступает с такими знаниями, которым другие должны быть обучаемы на военной службе. Далее весьма важно и то, что в Швейцарии призы-

---

[1]) Швейцарский новобранец уже по тому интеллигентен, что он большему обучен с детства. Стоит и другим странам последовать примеру Швейцарии, а если можно, то постараться и превзойти ее, что вовсе в сущности нетрудно.

вается по крайней мере четверть действующей армии, так как на учения части привлекаются в своем полном боевом составе; то же относится и ко всем военным учреждениям и обозу. Каждый призывной имеет полное боевое снаряжение, вооружение и часть провианта, кавалерист даже в мирное время имеет при себе и свою лошадь. Офицеры считают, что в 5—6 дней может быть мобилизована действующая армия, а ополчение, имеющее занять пограничную полосу, в 12 часов». Далее докладчик, при всеобщем выражении одобрения, высказал убеждение, что оборонительные силы нейтральной Швейцарии, имеющей целью прежде всего защищать свою территорию,—вполне достаточны. «Однако, если бы Швейцария, следуя примеру других государств, вздумала бы прибегнуть к агрессивным мерам, то, конечно, милиции ей будет недостаточно».

В этих выводах сказывается кадровый военный, который забывает, что вся политика Швейцарии только к тому и сводится — и в чем она должна была бы в сущности заключаться и для Швейцарии, и для Германии — к отражению всякого удара, направленного против отечественных владений. Между тем, швейцарские маневры показывают, что там сумеют и наступать.

Годом позже (1895) французский генерал Брюне, также присутствовавший на швейцарских маневрах, в речи на банкете в Цюрихе сказал:

«Создавать славу швейцарской армии не приходится. Уже давно, среди величайших армий Европы ее военные учреждения занимают исключительное положение, что мы можем только приветствовать. Нет другой такой армии, которая являла бы столько поразительного, заслуживающего внимания, интереса и уважения, кто только ею заинтересуется, или думает, что ее знает. И к чему скрывать — к этому присоединяется чувство глубокого сожаления, именно сожаления (это слово не должно пугать), охватывающее каждого соседа Швейцарии, когда, взвесив колоссальные трудности, сопряженные с существованием больших армий великих держав, невольно констатируешь, с какою мудростью, с каким успехом во всей Европе одна только маленькая Швейцария сумела справиться с задачею, над решением которой все только тщетно трудятся: вооружить поголовно всех сынов государства, сделать из каждого солдата, не отнимая у страны ни одного гражданина».

Третье мнение опубликовано осенью 1897 года весьма осведомленным корреспондентом английского «Таймса», также присутствовавшим на швейцарских маневрах. Он сказал: «Нельзя, говоря о швейцарской армии не показаться пристрастным в глазах тех, кто еще не имел случая ее видеть, что может дать эта армия. Я не стану утверждать, что она совершенна во всех мелочах или также прекрасно организована, как армия французская или германская. Но я без малейшего колебания утверждаю, что в целом она заслуживает сравнения с лучшими военными силами континента. В этом смысле она стоит

даже выше всех остальных европейских армий. Я должен прибавить, что лично мне неизвестно другое государство, мобилизующее ежегодно на случай военных действий четверть всей своей армии. Для генерального штаба это имеет громаднейшее значение. Интерес к войску, благожелательное к нему отношение населения прямо поразительны; так, например, при постройке укреплений, оно, по собственному почину, безвозмездно, доставляет и убирает все необходимое. Ни в какой другой стране это не может быть наблюдаемо. И ни одна страна не имеет такую отвечающую действительным запросам боевую организацию».

С положительным восхищением описав одну из главных сцен маневров, корреспондент приходит к следующему заключению:

«Несомненно, для англичанина во всем мире не найдется другой армии, кроме швейцарской, которая навела бы его на самые серьезные размышления. Еслиб английский офицер пожелал-бы присутствовать на их маневрах, он может быть уверен в отличном приеме. Наблюдая эту армию в деле, ему не придется задаваться вопросом, — как этого можно ожидать в ином месте, — не тягостны ли для страны необходимые на это средства. Нигде он не встретит более глубокого патриотизма, более искреннего самопожертвования, как в рядах армии, благородным девизом которой является: «Один за всех и все за одного!»

Мнения военных знатоков по поводу бывших в 1897 году больших германских маневров под Ганау и Франкфуртом, особенно о «блестящих кавалерийских атаках, звучат несколько иначе. Они преисполнены самой беспощадной критики.

Вот, напр., к каким выводам приходит один военный специалист во «Франкфуртской Газете», а он является одним из множества подобным же образом высказывающихся в нашей и заграничной печати,—что тактическое руководство столь же оставляло желать лучшего, как и в 1870 году в сражении при Гравелетте, когда отдельные батальоны, даже роты, производили частичные атаки, что в действительном сражении неминуемо повело бы к полному их уничтожению. Офицерству прививаются совершенно ложные воззрения. Массы часто не давали себе отчета в превосходстве неприятельского огня, а преспокойно маршировали или ехали дальше, как это можно было наблюдать во время кавалерийской атаки при Коппенгейме, предводительствуемой самим императором.

Заключительный вывод военного специалиста гласит: «Большие маневры дают офицерам превратный взгляд на сражение.

Они не имеют практического значения, а на худой конец являются блестящими представлениями, обходящимися нам ежедневно в миллионы». Всюду эти маневры характеризуются парадными церемониями, не имеющими никакого практического значения.

Таковы выводы специалистов о больших маневрах лучшего постоянного войска в свете. Читателю предоставляется их сопоставить с мнениями знатоков дела о маневрах милиции Швейцарии.

VII.

МИЛИЦИЯ В НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИИ.

В этой главе мы коснемся краткого обзора тех военных событий, в которых граждане отстаивали свою свободу против насилий и притеснений или снова ее завоевывали при помощи народного войска. Тут весьма знаменательно и интересно то, что все эти войны и столкновения выдвинули выдающихся полководцев, до этого совершенно чуждых всего военного. Общественное же положение этих людей не давало ни малейшего повода для развития их военных способностей. Неопровержимым фактом является еще и то, что все эти революционные столкновения порождали совершенно новую тактику, которая даже и не снилась военным профессионалам, и которая наносила им полное поражение.

Первым столкновением этого рода было выступление английского Долгого парламента против Карла I, в котором этот последний в 1649 году, поплатился головой. Тут в борьбе с королевскими войсками на поле сражения из Кромвелля-пивовара выработался великий полководец, а с ним целый ряд мужей, частью самого невысокого происхождения, позднее занимавших весьма почтенные посты. Как известно, Кромвелль стал диктатором Англии. Одним из его полковников был Окей, прежде истопник. Второй полковник, Прайд, раньше был ломовым, полковник Фокс — слесарем, полковник Гарвей торговал шелками и пр., и пр.,

Спустя сто с лишним лет английской армии пришлось претерпеть ряд поражений со стороны северо-американских колонистов, в конце концов, отвоевавших себе независимость и положивших основание Соединенным Штатам. В введении к своему сочинению майор I. Шейберт так пишет о их военном методе:

«Восставшие северо-американцы пользовались против малоподвижных линий англичан особой ловкой тактикой стрелков, применяли рассыпной строй, роем окружали беспомощные массы противника и, несмотря на все свое несовершенство в военном отношении, прогнали врага из пределов страны».

По появлявшимся там и тут описаниям метод нового боевого американского строя был небезызвестен в Европе, но высокое самомнене не позволяло обращать внимание на тактику каких-то обитателей лесов. Только французам, получившим после революции такой же необученный строевой элемент, как у американцев, пришло в голову использовать этот новый способ борьбы для своих молодых частей. При помощи этой тактики император французов [1]) покорил пол-Европы».

Пруссия, в то время почивавшая на лаврах, пожатых «старым

---

[1]) Наполеон

А. Бебель.

Фрицем», [1]) и презрительно относившаяся к французской революционной армии (санкюлотам), в 1792—95 г. г. не только должна была перед нею отступать, но и заключить в 1795 году весьма малопочетный мир в Базеле. Одиннадцать лет спустя в двух сражениях она была разбита Наполеоном и вынуждена на позорный мир в Тильзите.

Хоть это и странно, но тем не менее исторически верно, что лишь крупные поражения побуждают правительства и господствующие классы предпринимать реформы, касаться которых до этого считалось чуть ли не государственным преступлением, в лучшем случае их отвергали с глумлением и насмешкой. Между прочим это резко обнаружилось в 1807 г. в Пруссии, в 1866 г. в Австрии и в 1871 г. во Франции.

Ранее окружавшие себя китайской стеной, задававшие тон правительственные круги Пруссии после полного поражения, припертые к стене, с поразительной быстротой поняли, что старая система выдохлась и что необходимо немедленное преобразование в корне. Это означало полный переворот в прежнем строе. Как мало, однако, были склонны к какой бы то ни было реформе военноначальники, разбитые под Иеной или Ауерштедтом (из них многие, как напр., коменданты крепостей проявили полную неспособность и позорную трусость), свидетельствуют многочисленные факты, иногда весьма забавные. Когда, напр., генерал Мюффлинг [2]) в бумаге на имя генерала Рюхеля, порицал обыкновение держать множество дорогих, изнеженных офицерских лошадей в батальонах (в некоторых их насчитывалось до пятидесяти), этот последний надменно ответил: «Мой друг! Не подобает прусскому дворянину ходить пешком». Шарнгорст был прозван старшими бригадными генералами «школьным учителем - педантом». Правда, внешность Шарнгорста была вовсе не импонирующая, он был лишен военной выправки, что, однако, не помешало ему вместе с Гнейзенау, Бойеном и др. произвести реформы, благодаря которым Пруссия только и смогла в 1813 году помочь союзникам изгнать победителей из пределов страны.

Даже Йорк [3]), без сомнения способный генерал, усматривал в новом преобразовании армии только взгляды «космополита и резонера». Ныне он назвал бы их социалистическими или не знающим отечества интернационализмом. А в одном письме о новом положении для ополчения, спроектированном «космополитами и резонерами» и заключавшем весьма решительные, но «невоенные» меры для подавления врага, Йорк выразился так: «На сицилийскую вечерню или войну в вандейском духе немец не способен. И разве в нашей равнинной стране нечто подобное возможно?»

И все же эти меры «вандейцев» были с успехом применены в «Ополченском положении», проведением в 1813 году, где упоминалось:

---

[1]) Фридрихом Великим.
[2]) Мюффлинг: «Из моей жизни», стр. 8.
[3]) Дройзен: «Граф Иорк фон Вартенбург», стр. 18.

«Военные действия являются действиями ради самозащиты, оправдывающими все средства. Самые решительные средства — наилучшие. Они завершают справедливое дело наискорейшим и победоноснейшим образом... Топи древних германцев, рвы и каналы нидерландцев, дикие заросли и кустарники Вандеи, пустыни Аравии, горы Швейцарии, разнообразная поверхность Испании и Португалии, — защищаемые самим народом, всегда вызывали одни и те же последствия — победу. Если житель высот имеет преимущество неприступных гор и защищенных скалистыми утесами пещер, то житель возделанных равнин, имея в своем распоряжении озера, леса и болота, располагает вместе с тем возможностью легче в любом месте собрать нужные для защиты массы, чем это может быть сделано при разбросанном по горам жилье. Если нападающий располагает выбором уязвимых пунктов при наступлении, то любовь к родине, выдержка, под'ем духа, возможность быстрой и недалекой помощи надолго дают перевес обороняющемуся»[1]).

Только от милиции в духе вышеприведенных соображений ожидал Шарнгорст чего-либо существенного:

«Только с помощью милиции оказалось возможным поднять военный национальный дух во Франции и в Англии и вызвать воодушевление к достижению независимости страны. Необходимо в военном деле все лишнее, расчитанное на внешность, отбросить прочь. В мирное время исключительно заняться подготовкой солдата к войне и сделать из армии орудие способное дать то, что от нее требуется». Между прочим реорганизационная комиссия, под председательством Шарнгорста, хотела упразднить кадетские корпуса и заменить их общежитиями при университетах. Ныне, спустя почти сто лет, мы настолько отстали, что общепризнанным является мнение (в глазах многих знатоков весьма ошибочное), что кадетские корпуса самые благородные учреждения для муштровки офицеров. То же мнение сложилось и относительно школ для унтер-офицеров.

Между прочим в одном письме Гнейзенау так об этом высказался:

«Одно обстоятельство особенно способствовало поднятию Франции на эту степень высоты. Это революция, которая пробудила все ее силы и дала каждой соответствующий круг деятельности, и какие бесчисленные силы дремлют в лоне нации нетронутыми и неиспользованными! В груди тысяч людей дремлет великий гений, взмах крыльев которого парализует низменная обыденность. В то время, как государство гибнет от слабости и позора, быть может, в отдаленной деревушке ее новый Цезарь принужден пахать, а Эпаминонд — искать пропитание скудным заработком рук своих.

Шарнгорст выступил против караульной службы, превращающей солдата в полицейского. В 1808 году люди были призваны всего на один месяц, их заставили практиковаться только в необходимейшем, а именно, в рассыпном строе, а затем распустили по домам. Но

[1]) Леман: «Жизнеописание Шарнгорста», II, стр. 549.

5*

офицеры и унтер-офицеры неоднократно должны были отправляться обучать команды по деревням, потому что государство было слишком бедно, чтобы содержать новобранцев в частях. При этом начальникам строго вменялось избегать наказания подчиненных палками. Офицеры должны были наблюдать за унтер-офицерами, чтобы и они не смели-бы позволять себе что-либо подобное в отношении кого-бы то ни было.» «Даже брани не должен позволять себе ни офицер, ни унтер-офицер, так как грубое обращение в отношении солдата у него на родине унижает его в глазах его родни, оно особенно ему чувствительно и делает солдатчину ненавистной для крестьян. Это предписывалось девяносто лет тому назад, а как обстоит дело ныне? Как далеко нам до осуществления предначертаний Шарнгорста!

Положительно блестящий пример того, на что в трудную минуту способно случайно созданное народное войско, свидетельствует ход операций во время Северо-Американской Освободительной войны, на которую мы уже раньше ссылались. Ни одна из сторон не располагала подготовленной армией. Все, что было обученного в личном составе, оказалось на стороне южных штатов, отстаивавших сохранение рабства. Как сами армии, так и их полководцы должны были обучаться во время самой войны. И случилось так, что с обеих сторон эта война выдвинула ряд полководцев, которые были признаны даже офицерами постоянных армий,—выдающимися, первоклассными. Далее произошло то, что в эту войну был применен целый ряд новых победоносных тактических приемов (впоследствии признанных постоянными армиями Европы образцовыми), принятых ими и проведенных в жизнь. Тогда же в отношении аммуниции, средств обороны и нападения, укрепления на суше и на море и особенно по продовольствию больных и раненых и ухода за ними, — были созданы средства и организации, которые также всюду были признаны образцовыми и достойными подражания. Короче, Северо-Американская освободительная война создала целую эпоху в военном деле Европы. А в военно-санитарном деле и по настоящий день ни одно европейское государство не может соперничать с тем, что дали Соединенные Штаты Америки, именно Штаты Северные.

Для подтверждения всего сказанного, я ограничусь выдержками ряда мест из уже упоминавшегося сочинения майора И. Шейберта самого невинного источника. Говоря о кавалерии, майор Шейберт выражается (на стр. 96) так: «Если какой-либо род оружия чему-нибудь научился опытом американской войны и интересовался успехами местных способов воевать, то это германская кавалерия».

А относительно артиллерии он (на стр. 88) говорит: «Отбросив все эти недочеты, надо отдать справедливость американцам, что это они проложили путь к введению тяжелой артиллерии и что на основании

их опыта создана вся система артиллерийского дела в Европе, далеко превзошедшая все то, что было раньше».

Относительно крепостной артиллерии он говорит (на стр. 90): «Прежде всего поражали опустошения, произведенные в стенах форта Зумтера, при том с растояния, которое прежде не могло быть принимаемо во внимание. Эти успехи тяжелой артиллерии понятно должны были рассеять последние сомнения относительно больших калибров и направить артиллерию и крепостное дело Европы по новым путям».

По инженерному делу одно место (стр. 93) гласит,—после того, что автор упомянул, как недостаток материалов, (отсутствие железоделательной промышленности на юге) тормозил развитие инженерного дела против огненных атак артиллерии северных штатов:

«Но все-же у южан мы находим многое, что побудило инженеров всех стран на подражания и еще ныне (т.-е. в 1874 году, спустя три года после франко-прусской войны) заставляет призадуматься».

Стр. 97 относится к развитию флота и гласит: «Подводная оборона и торпеды, как известно, явились сенсационным нововведением в технике средств защиты». В эту же войну были построены и первые броненосцы.

Стр. 102 гласит: «Разведочная служба в последний период войны была применена в совершенно новой форме и новом размере».

О методах сражения на стр. 114 говорится: «Юг является нашим учителем стратегии обороны точно также, как и в тактике он явил нам образец оборонительных действий». Сколь колоссальные успехи за время войны сделал флот Северных Штатов, показывают некоторые цыфры на стр. 130: «В марте 1861 г. последний насчитывал в строю 42 военных корабля с 7.600 моряками. К концу войны, в 1865 г., он насчитывал 671 военное судно, из них 71 броненосец, 37 больших паровых судна с тяжелыми орудиями Дальгрена и 121 парусник для нужд транспорта».

На стр. 148 помещено: «Богатство военного материала, который нам дает американская война не исчерпывается изучением действий боевых частей, ибо еще не упомянуто о санитарном деле, в области которого американцы проявили много достойного удивления и о достижении чего едва можно было мечтать». «Организация всего нашего санитарного дела,, детали устройства бараков, постановка транспорта, даже в области госпитального лечения—в том виде, как это ныне поставлено в европейских армиях, является подражанием всего, достигнутого американцами в их образцовых организациях. Поэтому не только вся наша военно-санитарная организация в целом, но даже отдельные раненые обязаны заботливому отношению благодетелей по ту сторону океана».

На стр. 162 говорится: «Дисциплина северо-американской армии признается всеми нейтральными наблюдателями отменной Это тем замечательнее, что по мере продления войны обыкновенно наступает как раз противоположное, как оно и было наблюдаемо к концу Франко-Прусской войны.

Подобное же подтверждение высокого уровня дисциплины высказано в «Военном Еженедельнике» от 17 ноября 1875 г. при разборе «Мемуаров генерала Вильяма Шермана», где говорилось:

«Удивительно то, что эта затяжная война не дает примеров крупных солдатских бунтов или восстаний и соответственно незначительное количество случаев неповиновения. Каждый из отличных полководцев, генералов и командиров полков умел вызывать необходимое повиновение и, по заключении мира, 800.000 человек без всяких возражений, без каких-либо наград или вспомоществований спокойно вернулись к своей мирной работе».

Наконец, на стр. 180 сочинения Шейберта говорится: «Генерал Лее главнокомандующий армией Южных Штатов, которого Шейберт именует самым талантливым полководцем нашего столетия, положил основание новой тактики для действий пехоты, которою и пользовался с большим успехм».

Спустя пять лет по окончании военных действий Северо-Американских Штатов, между Германией и Францией возгорелась война, в которой выступили две лучшие армии Европы. Всем памятно, как гордая французская армия гибла под тяжкими ударами немцев. Некоторым извинением для французов служит то, что война эта застала их врасплох, и что в большинстве сражений численное превосходство было на стороне немцев, особенно после Седана. Но что и у немцев не все шло как по маслу, что иногда делались промахи, и большие,—ныне неоспоримо, хотя перед народными массами это всячески старались скрыть. Интересен строгий приговор И. фон Пефлут-Гартунга в воскресном «Приложении» «Фоссовой Газеты» по поводу одного из самых кровопролитных сражений этой войны—боя при Марс-Ла-Туре 16 августа 1870 года:

«С немецкой стороны управление боем было более чем рискованным, что при существовавшем положении легко могло стать роковым. Командование пред'являло такие требования, какие могли выполнить только немецкие войска. Оно, положительно, отважилось на неравный бой без достаточного знания дела, но, правда, железной волей доводило битву до победы, не обращая внимания на колоссальный урон. Последние атаки принца Фридриха-Карла были и остаются совершенно ненужным кровопролитием. Однако, они имели большое значение, потому что до конца держали французского маршала в заблуждении о действительных силах немцев и тем самым, способствовали его решению отступить».

Относительно французского главнокомандующего маршала Базэна в той же статье говорится, что, сохраняя полное самообладание, он, однако, не использовал превосходства своих сил.

«Базэн не подозревал, не мог подозревать невероятной дерзости пруссаков, решившихся на нападение с недостаточными силами. Он считал их неспособными на подобную ошибку. Для этого он был слишком высокого мнения о генеральном штабе противника. Он предполагал продуманный план действий, опасался второго Кенигсреца: быть взятым в лоб и окруженным».

Если бы Базен был менее осторожен, если б он храбро набросился, вернее просто взял то, что было у него в руках, то это сражение стало бы для Германии роковым.

Свои выводы о сражении автор формулирует следующим образом:

«С германской стороны сражение при Марс-Ла-Туре было грубейшей ошибкой, ибо оно неизбежно должно было быть проиграно, потому что недопустимо было расчитывать, что воображаемые опасности способны препятствовать действиям неприятеля. Но так как это случилось, то стратегически заслуженное поражение превратилось в тактический успех».

О следующем сражении, битве при Гравелотте 18 мая 1870 года военный писатель Карл Блейбтреу *), сделав обзор хода сражения, высказался так: «Уже из простого обзора очевидно, что всюду храбрость германских войск должна была вывозить на себе все, в чем погрешало управление боем, как в отдельных мелких эпизодах, так и в управлении целыми корпусами. Повсюду раздробление сил и грубые тактические ошибки. Из самых фаз боя даже профану очевидно, что управление обеими германскими армиями было полно ошибок, вина в чем падает на главную квартиру Мольтке». При этом Блейбтреу ссылается также на известного военного писателя майора Генига, мнение которого о битве при Гравелотте таково, что «она была днем банкротства нашей тактики».

«Не умели сражаться ни цепями ни сомкнутыми коллонами». И в другом месте Блейбтреу, цитирует Геннига, высказавшего: «Общий успех в сражении при Гравелотте был удивительно ничтожен. Понадобилось целых три армейских корпуса против стольких же дивизий (даже несколько ослабленных) и этим было достигнуто только занятие передовых позиций». В отделе своего сочинения «Теория войны и практика» Блейбтреу бичует господствующее презрение и пренебрежение к мнениям тех, кто не может назвать себя военными с научной подготовкой». Почему же именно эти располагающие военной подготовкой элементы нашей армии упускают из виду, что полководцы и генералы французской революции и великой гражданской войны Америки в своем прошлом большею частью не имели никакого военного опыта?

1) «Теория войны и практика». Этюды К. Блейбтреу. Лейпциг.

Больше того, многие великие полководцы, как Кромвель, не имели никакой подготовки, или как Фридрих, Наполеон, а отчасти и Цезарь, получили самое поверхностное военное образование до того, как на практике изучили военное искусство? Не будь революции, Кромвель остался бы крестьянином, Бонапарт умер-бы капитаном, а то получил бы в Пруссии за недисциплинарное поведение отставку в чине лейтенанта. И по росту он не удовлетворял прусской военной мерке».

Между тем, в том же 1870 году обнаружилось, что после разгрома регулярных французских армий, когда победители считали цель достигнутой, отчаянным усилием Гамбетты и Фрейсинэ среди всеобщего хаоса удалось словно из под земли, собрать новые, но уже милиционные армии, которые смогли еще шесть месяцев продолжать войну, которую гордая своим регулярным войском старая армия едва ли смогла бы протянуть шесть недель. Ясно и то, что после Седана никакие усилия Франции не могли иметь успеха, но всеже они были весьма нежелательны для высших германских руководителей, значительно расхолаживали победный пыл, увеличивали оскомину войны и стоили тяжких жертв народным массам. Вот, что об этом пишет полковник барон Кольмар фон-дер-Гольц в своей книге «Леон Гамбетта и его армии»: «Гамбетте (а также Фрейсине и их единомышленникам) удалось личным воодушевлением воспламенить на новую борьбу обезоруженную страну, терявшую способность сопротивления. Французы еще на многие месяцы приковали к борьбе германские армии и заставили нас признать за ними ту силу, которую мы недооценивали. Ему (Гамбетте) было достаточно нескольких недель, чтобы среди окружавшего хаоса с'организовать сравнительно прекрасно вооруженную армию, насчитывавшую сотни тысяч... Корпуса выростали, словно из-под земли. Всего им было сформировано двенадцать корпусов, что составило поистине чудовищную армию почти в полмиллиона при 1.400 орудиях. Гамбетта стал продолжать борьбу не регулярными войсками, а только милицией из гражданского элемента. Весь народ должен был стат его войском. Лишь немногие поддерживали его искренно, потому что почти никто не верил в возможность успеха. Но из числа этих немногих большинство никогда не было солдатами. И, несмотря на все это, ему вполне удалось то, чего он хотел».

На стр. 231 своей книги фон-дер-Гольц говорит: «Если бы, — от чего, Боже, нас избави, — нашему отечеству пришлось когда-либо пережить поражение, подобное понесенному Францией при Седане, то я очень желал бы, чтобы появился человек, с'умевший вызвать такое вооруженное сопротивление народа, какое вызвал Гамбетта».

Это самая блестящая аттестация, какую настоящий военный может дать штатскому.

Таким образом, этот краткий исторический обзор показывает, что при всех тяжелых катастрофах больших культурных государств — Англии, Франции, Соединенных Штатов, Пруссии . . спасали страну не

регулярные армии, а лишь силы народные в их первобытном милиционном виде. Можно привести в пример еще войны в Испании, Тироле, где также только народные силы оказывали длительное, упорное сопротивление иноземному завоевателю, когда все регулярные силы государства, официальные войска, давно уже были сломлены.

Между господствующими ныне и порабощенными массами населения существует явное противоречие идей относительно организации армии в большинстве великих держав, побуждающее в Германии, например, к созданию розни между армией и народом.

Что нынешний двух- или трехлетний срок службы совершенно излишен для выработки боеспособного солдата, — помимо общего опыта, явно доказывает учреждение во всех частях войск кадра вольноопределяющихся с годичным сроком службы. По истечении своего краткого срока службы эти вольноопределяющиеся могут даже, после соответствующего экзамена, — в предположении наличия надлежащего воспитания (что является главным),—быть зачислены в офицеры резерва.

Возможность создания в кратчайший срок вполне боеспособных войск стала еще очевиднее, когда, в 1880 году, был учрежден дополнительный резерв I класса с двадцатинедельным сроком подготовки. В своем сочинении «Военные вопросы и положения» бывший капитан Эдмунд Миллер указывает, что, «хотя подлежавший обучению состав был разнородный и люди были слабы и малоспособны, однако, уже через десять недель новая рота почти сравнялась с ротой линейной». Далее он говорит: «Не допуская этого открыто, все же между собою офицеры говорили, что успехи, сверх всякого ожидания,—исключительны, и, по существу, роту не отличить от линейной».

То же самое высказывает бывший баварский поручик Рудольф Крафт в полемике с одним бывшим офицером, помещенной осенью 1895 года во «Всеобщих Известиях Галле»: «Если мне мой оппонент предлагает обучать новобранцев из Эйфеля, то смею его уверить, что я обучал таковых и из баварских лесов, где, вследствие большой отдаленности от центра, общественность мало развита. Я не медля обязуюсь в полгода превратить таких людей в столь же хороших солдат, как и наши прежние, если только мне будет разрешено упразднить весь излишний балласт в ныне применяемом обучении. Тут будет кстати напомнить о ротах дополнительного резерва, которые, несмотря на вбивание им всего ненужного, в шесть недель достигли отличных успехов в строевом обучении и в стрельбе».

Печально было бы, если бы оно было не так. Весь исторический и практический опыт говорит за это. Чем более молодежь гибка умственно и развита физически, тем легче достается ей игра в солдатики, не представляющая какие-либо требования, которые средний человек не смог бы одолеть в самое короткое время. Только интересы властвующих и правящих классов, считающих своею обязанностью видеть в вооружении

народа гибель своих преимуществ, противятся этому и утверждают противное.

Но тут встают интересы громадного народного большинства против интересов меньшинства, и первое обретет решающее право, коль скоро это большинство сильно этого захочет.

VIII.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

Заключение сводится к тому, что трудящиеся должны приложить все свои усилия к тому, чтобы заменить постоянное войско вооруженным народом и вместе с тем стремиться создать такую обстановку, которая и в будущем не допускала-бы возможности разрешать возникающие между культурными государствами разногласия силою оружия и вытекающие из этого ужасы. Всего лучше они должны быть разрешаемы справедливым третейским судом,—что в обоюдном интересе,—беспристрастных людей, избранных по взаимному соглашению. Еще справедливее было бы, если б все культурные государства мира приняли бы решение, что в случае несогласий между некоторыми из них,—остальные выступали-бы в роли судей и примирителей.

При современном значении военно-морского дела для господствующего класса, который сплошь и рядом, — как напр., фабриканты, поставщики оружия, предметов снабжения судов, всевозможных материалов, или как военное начальство—офицеры и чиновники—заинтересованы в сохранении существующего строя и даже в его развитии и усилении, — борьба против существующих организаций является не из легких. Тут, как и во всем остальном, темнота и предрассудки значительной части подчиненных классов на руку поработителям. Первейшим долгом всех заинтересованных в лучшем порядке является разяснение массам проистекающего от господствующей системы всего зла.

Ведь эти самые массы поставляют солдат. Они же, главным образом, их содержат, неся в первую очередь все по этому пени и налоги. Это они, которые в случае войны, несут наибольшие потери людьми, самою жизнью их, а их близкие платят своим благополучием. В мирные периоды они же испытывают наибольший гнет господствующей системы, платясь своим заработком, образованием и самой возможностью участвовать в культурной жизни страны.

Военный и морской бюджеты поглощают все средства, которые должны были-бы идти на главнейшие культурные цели. Сами армии в их современном виде являются постоянной угрозой миру народов, ибо уже самое существование их обусловливает войну. С того момента, как

народы, наконец, сговорятся как следует, войны перестанут существовать.

Постоянные уверения правящих классов в желании мира дискредитируются непрестанным вооружением. Дело противоречит слову. Прямым следствием этого является вечное недоверие, отсутствие покоя.

Интернационалисты из рабочей среды, которые одни показали, что люди несмотря на всю разницу в происхождении, языке, религии, — могут мирным путем придти к взаимному соглашению и плодотворной совместной работе, — должны сорганизоваться в интернационал народных масс.

Но правда и то, что армия должна быть используема не только против внешнего врага, но и «врага внутреннего». «Внутренним-же врагом», как известно, являются все те, которые работают на пользу ограбляемой и угнетаемой бедноты, против гнусного лицемерия, насильственного невежества. Добиваются мира, радостей и благосостояния, света знания и справедливости для всех решительно, без различия рода и племени, — одним словом, социал-демократы. Германский народ так привык, что именно против этого «внутреннего врага» применяют наши армии, что перед этим представлением совершенно сглаживается представление о враге внешнем.

В сравнении с, так наз., внутренним врагом этот внешний враг является положительно кротким агнцем. И все же эти ныне исчисляемые миллионами и с каждым днем все размножающиеся «внутренние враги» продолжают работать над осуществлением высших идеалов человечества и исполняют свой долг в отношении страны и государства тем, что правят службу и сражаются ничуть не хуже «внутренних друзей».

С точки зрения правящих кругов можно опасаться, что, несмотря на все, близок день, когда эти «внутренние враги» станут сильнее «внутренних друзей», и что тогда? И оно возможно именно в той самой армии, которая особенно должна быть наготове для их подавления.

По настоящее время главнейшими опорными пунктами социализма были города и промышленные центры, но ныне они все более проникают вглубь страны. И вот наше дальнейшее военное усиление, — будь мы верующими, мы сказали бы «Промысел» — заставляет руководящие сферы набирать солдат предпочтительно там, где и социализм располагает лучшими районами набора, в городах и промышленных центрах.

В статье № 5 Мюнхенской «Нации» (за 1897—98 год) профессор Бретано указывал, что в призывах запасных 1893—94, 1894—95 и 1895—96 годов уже преобладает элемент, взятый, главным образом, из городов и промышленных районов. Это настолько распространено, что даже в преимущественно земледельческой Баварии значительное большинство призванных были вовсе не земледельцы и лесничие, а совершенно иных профессий.

Бывшая в 1895 году перепись населения по профессиям выяснила, что земледельческое население Баварии составляло 44,8 процента общего числа народонаселения, но и призваных в армию оказалось всего 40,2 процента. Тогда как промышленность и ремесла, включая элемент живущий горнозаводской и строительной промышленностью, составляющий 34,2 процента,—дали всего 49,3 пр. призывных. Торгово-почтовый, транспортный, включая постойно-трактирный промысел, составляли 7,3 пр. и дали 6,4 пр. всего призыва. Остальные профессии составляли 6,4 пр. и выставили 3,9 пр. призванных. Лица без профессии составляли 0,6 пр. и дали 2 пр. призыва.

Цифры эти прямо-таки поразительны и явно противоречат существовавшему до сих пор убеждению, что главный контингент солдат пополняется земледельческим населением. На деле происходит как раз обратное. И в дальнейшем условия эти будут изменяться в том же направлении, потому что в общем развитии нашего сельского хозяйства наблюдается непрерывный прирост занимающихся ремеслами, промышленностью, торговлей, комиссионными делами и пр., тогда как численность населения, существующего земледелием, несомненно уменьшается.

Нижеследующие данные подтверждают это более обстоятельно.

Состояние:	Самостоятельно работающих:		Пользующихся чужим трудом:	
	1895	1882	1895	1882
Сельское хозяйство и т. д. . . .	8.292.692	8.236.496	18.501.307	19.225.455
Промышленность и ремесла . . .	8.281.230	6.396.465	20.253.241	16.058.080
Торговля и сообщения . . .	2.338.508	1.570.318	5.966.845	4.531.08

Таким образом, в то время, как население, живущее главным образом сельским хозяйством, за 18-летний период с 19.225.455, понизилось до 18.501.307 человек, круглым счетом на 724.000 человека,—население преимущественно существующее торговлей и ремеслами, возрасло с 16.058.080 до 20.253.241 человек, т. е. круглым счетом на 4.195.000 человек. В итоге в обеих последних категориях населения численность повысилась на 5.630.000, тогда как в области сельского хозяйства она понизилась на 724.000 человека.

Эти факты, обнаруживающие полный экономический переворот, обусловливают совершенное изменение соотношения групп населения и в области умственной и материальной, соответственно изменившимся хозяйственным и общественным условиям. Поэтому развитие идеи и расширение целей социализма неудержимо. Оно соответствует экономическому, которое стремится в том же направлении все далее и далее. Это

неопровержимо доказывает, что число приверженцев социализма, насаждаемого сотням тысяч детей через социалистически настроенных родителей, должно непрестанно расти и в армии. Оно тем более очевидно, что для современных способов воевать нужны солдаты интеллигентные, а умственное развитие масс в городах и промышленных центрах несравненно выше, чем в деревне. В конце октября мюнхенскому «Обществу Народного Хозяйства» был сделан профессором Брентано интересный доклад на вышеприведенную тему. Он сопровождался диспутом, в котором принял участие баварский генерал фон Зауер, высказавший весьма интересные взгляды.

«Трудно ответить, какой элемент для военного набора лучше,— из сельскохозяйственных-ли или промышленных слоев. Армии нужны оба типа. Новобранцы из крестьян более рослы, чем призывные из промышленных районов. Но первые подчиняются дисциплине с положительным отвращением. Из них вырабатываются только сносные подчиненные.

Это отвращение крестьянского парня к военной дисциплине часто настолько сильно, что заставляет пренебрегать его физическими преимуществами. Если он даже не совсем неразвит, ему несомненно недостает более широкого кругозора горожанина, его ловкости, умения выражаться, решимости, осмотрительности. Запасная армия из крестьян уступает запасу из горожан, потому что крестьянин только оканчивает действительную службу очень быстро теряет свою пригодность к ней. Горожанину приносят несомненную пользу физические упражнения в гимнастических и иных спортивных союзах. Неправильно также мнение, что солдаты из крестьян на переходах более выносливы, чем горожане. Эти последние также легче привыкают к казенному пайку, охотнее выполняют требования, предписываемые санитарией. Сравнять в этом отношении крестьянский и городской элемент вовсе не трудно. Проведя в жизнь закон о защите прав рабочих, расширение физической подготовки, более основательное обучение крестьянства мы в обоих сословиях получим вполне безупречный элемент для набора. И если со временем мы еще более вырастем в промышленном отношении, то оборонительные силы страны от этого ничуть не пострадают».

Может-ли социал-демократия желать чего-либо лучшего, чем эти столь благоприятные для нее результаты? При наличии этих фактов глупо предполагать возможность насильственного переворота, баррикад и уличных боев. Революция, начинаясь извне, завершается в умах и при том с такою быстротой и систематичностью, что не оставляет желать лучшего.

Правящие классы, во чтобы то ни стало желающие сохранить отживший порядок, утрачивают своих приверженцев в массах с каждым

готом все более и более. А группа социалистов, стремящихся создать новый правовой порядок, растет с каждым днем.

Реакция сталкивается со своим антиподом-революцией, т.-е. преобразованием в корне. Ей неизбежно придется отступить. А с того берега, ей навстречу, по всей линии, несется победоносное: «Вперед, вперед!».

На какую сторону перетянет победа,—в этом не может быть никаких сомнений. Отжили и старый общественный строй, и старая организация войск. С каждым новым днем они порождают все большее зло, которое в сущности должны были бы предотвращать. Процесс разложения охватил их полностью.

Старое рушится, времена изменяются.

И новая жизнь расцветает на его развалинах.

Новый век стучится у порога старого.

Век труда и трудящихся.

Трудящееся человечество, наконец, устало от вечной необходимости жертвовать, бороться и защищаться только для того, чтобы в конце концов в заботах коротать убогую жизнь, не имея ни минуты покоя пред опасностью массового истребления, которое погрузит нас в море крови и слез. И за что? Во имя чего? Любви к отечеству, самопожертвования ждут власть имущие от трудящихся... Но те самые люди, которые полагают, что боготворят отечество, что преисполнены патриотизма и в силу этого воодушевляются военным усилением на суше и на море, они первые восстают против оплаты большей части долга из собственного кармана. Мало того, едва того потребует их личная выгода, они сотнями тысяч привлекают к делу польских, русских, богемских и итальянских рабочих, составляя конкуренцию своим соотечественникам. По той же причине в торговом флоте они набирают негров и малайцев и, кто знает, быть может, скоро те же патриоты наводнят китайскими кули фермы наших «юнкеров» и помещиков северо-восточной Пруссии на подобие того, как они уже это сделали на торговых судах азиатских линий.

Прочь с этими вечно повторяемыми красивыми словами. Они с каждым днем теряют свою силу, подобно тому как с каждым днем все более подтачивается прежнее доверие. В 1841 году в одной из статей Аугсбургской «Всеобщей Газеты» покойный генерал-фельдмаршал фон-Мольтке писал. «Мы признаем себя сторонниками столь осмеиваемой идеи всеобщего »мира».

И далее в той же статье он старался доказать сколь больших успехов достигла бы Пруссия за время 25-летнего мира и насколько лучше и полезнее было бы, если бы средства, предназначаемые для военных целей, были бы использованы на культурное развитие народов. В последующие десятилетия Мольтке, возглавляя сильнейшую армию, проводил в жизнь совершенно иные взгляды, доказав тем самым, что с переменой интересов люди меняют и свои взгляды. Однако, в настоящее время большинство все более приходит к убеждению, что жизненные инте

ресы в мирном развитии народов и что,—вспоминая один из прежних взглядов Мольтке,—обособленное положение наций является причиной их взаимных столкновений и служит поводом к войнам».

Необходимо поэтому всемерно проповедывать идею братства народов, общности интересов,—как это и делают уже сознательные трудовые массы,—что только в дружной общей работе заключается разрешение высших культурных задач будущности человечества.

А. Бебель.

